

Mid

11

Amott
689

4° 39
276

Tolstaj

A

112

2
45

Bayerische Staatsbibliothek

<36645702370010

13 3/163

12

Графъ Л. Н. Толстой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
Садовая, 22

ANNEX TO

Графъ Л. Н. Толстой

ХОЗЯИНЪ
И
РАБОТНИКЪ
РАЗСКАЗЪ

Съ 9-ю оригинальными рисунками

К. Брожа, В. Князева и А. Скиргелло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
Садовая, 22

В. н. 5176

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 12 апрѣля 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Эдуарда Гоппе

53 Вознесенскій просп. 53

1895.

ХОЗЯИНЪ и РАБОТНИКЪ

JOSEPH P. LABOTHE

Хозяинъ и работникъ

I

Юто было въ 70-хъ годахъ, на другой день послѣ зимняго Николы. Въ приходѣ былъ праздникъ, и деревенскому дворнику, купцу 2-й гильдіи Василю Андреичу Брехунову, нельзя было отлучиться, надо было быть въ церкви — онъ былъ церковный староста — и дома надо было принять и угостить родныхъ и знакомыхъ. Но вотъ послѣдніе гости уѣхали, и Василій Андреичъ сталъ собираться тотчасъ же ѣхать къ сосѣднему помѣщику для покупки у него давно уже приторговываемой роши. Василій Андреичъ торопился ѣхать, чтобы городскіе купцы не отбили у него эту выгодную покупку. Молодой помѣщикъ просилъ за рошу десять тысячъ только потому, что Василій Андреичъ давалъ за нее семь. Семь же тысячъ составляли только одну треть настоящей стоимости роши. Василій Андреичъ, можетъ

быть, выторговалъ бы и еще, такъ какъ лѣсъ находился въ его округѣ и между нимъ и деревенскими уѣздными купцами ужъ давно былъ установленъ порядокъ, по которому одинъ купецъ не повышалъ цѣны въ округѣ другого, но Василій Андреичъ узналъ, что губернскіе лѣсоторговцы хотѣли ѣхать торговать Горячкинскую рощу, и онъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать и покончить дѣло съ помѣщикомъ. И потому, какъ только отошелъ праздникъ, онъ досталъ изъ сундука свои 700 рублей, добавилъ къ нимъ находящихся у него церковныхъ 2.300, такъ, чтобы составилось 3.000 рублей, и, старательно перечесть ихъ и уложивъ въ бумажникъ, собрался ѣхать.

Работникъ Никита, одинъ въ этотъ день не пьяный изъ работниковъ Василія Андреича, побѣждалъ запрягать. Никита не былъ пьянъ въ этотъ день потому, что онъ былъ пьяница, и теперь, съ заговѣнъ, во время которыхъ онъ пропилъ съ себя поддевку и кожаные сапоги, онъ зарекся пить и не пилъ второй мѣсяцъ; не пилъ и теперь, несмотря на соблазнъ вездѣ распиваемаго вина въ первые два дня праздника.

Никита былъ 50-лѣтній мужикъ изъ ближней деревни, не хозяинъ, какъ про него говорили, большую часть своей жизни прожившій не дома, а въ людяхъ. Вездѣ его цѣнили за его трудолюбіе, ловкость и силу въ работѣ, главное—за добрый, пріятный характеръ; но нигдѣ онъ не уживался, потому что раза два въ годъ, а то и чаще, запивалъ и тогда, кромѣ того, что пропивалъ все съ себя, становился еще буенъ и придирчивъ. Василій Андреичъ тоже нѣсколько разъ прогонялъ его, но потомъ опять бралъ, дорожа его честностью, любовью къ животнымъ и главное—дешевизной. Василій Андреичъ платилъ Никитѣ не 80 руб., сколько стоилъ такой работникъ, а рублей 40, которые выдавалъ ему безъ разсчета, по мелочи, да и то большей частью не деньгами, а по дорогой цѣнѣ товаромъ изъ лавки.

Жена Никиты, Марѳа, когда-то бывшая красивая бойкая баба, хозяйничала дома съ подросткомъ малымъ и двумя дѣвками и не звала Никиту жить домой, во первыхъ, потому, что уже лѣтъ 20 жила съ бондаремъ, мужикомъ изъ чужой

деревни, который стоялъ у нихъ въ домѣ, а, во вторыхъ, потому, что хотя она и помыкала мужемъ какъ хотѣла, когда онъ былъ трезвъ, она боялась его какъ огня, когда онъ напивался. Одинъ разъ, напившись пьянъ дома, Никита, вѣроятно, чтобы выместить женѣ за все свое трезвое смиренство, взломалъ ея сундукъ, досталъ самые драгоценные ея наряды и, взявъ топоръ, на обрубкѣ изрубилъ въ мелкую крошку всѣ ея сарафаны и платья. Зажитое Никитой жалованье все отдавалось его женѣ, и Никита не противорѣчилъ этому. Такъ и теперь, за два дня до праздника, Марѳа пріѣзжала къ Василию Андреичу и забрала у него бѣлой муки, чаю, сахару и осьмуху вина, всего рубля на три, да еще взяла пять рублей деньгами и благодарила за это, какъ за особую милость, тогда какъ по самой дешевой цѣнѣ за Василиемъ Андреичемъ было рублей 20.

— Мы развѣ съ тобой уговоры какіе дѣлали?—говорилъ Василій Андреичъ Никитѣ. —Нужно—бери, заживешь. У меня не такъ какъ у людей: подожди, да расчеты, да штрафы. Мы по чести. Ты мнѣ служишь, и я тебя не оставляю.

И, говоря это, Василій Андреичъ былъ искренно увѣренъ, что онъ благодѣтельствуетъ Никитѣ: такъ убѣдительно онъ умѣлъ говорить, и такъ всѣ зависящіе отъ его денегъ люди, начиная съ Никиты, поддерживали его въ этомъ убѣжденіи, что онъ не обманываетъ, а благодѣтельствуетъ ихъ.

— Да я понимаю, Василій Андреичъ! кажется, служу, стараюсь какъ отцу родному. Я очень хорошо понимаю—отвѣчалъ Никита, очень хорошо понимая, что Василій Андреичъ обманываетъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что нечего и пытаться разъяснять съ нимъ свои расчеты, а надо жить, пока нѣтъ другого мѣста, и брать, что даютъ.

Теперь, получивъ приказаніе хозяина запрягать, Никита, какъ всегда, весело и охотно, бодрымъ и легкимъ шагомъ, своихъ гусемъ шагающихъ ногъ, пошелъ въ сарай, снялъ тамъ съ гвоздя тяжелую ременную съ кистью узду и, погромыхивая баранчиками удилъ, пошелъ къ затворенному хлѣву, въ которомъ отдѣльно стояла та лошадь, которую велѣлъ запрягать Василій Андреичъ.

— Что, соскучился, соскучился, дурачокъ?—говорилъ Никита, отвѣчая на слабое привѣтственное ржанье, съ которымъ встрѣтилъ его средняго роста ладный, нѣсколько вислозадый, караковый, мухортый жеребецъ, стоявшій одинъ въ хлѣвушкѣ.— Но, но! поспѣешь, дай прежде напою, — говорилъ онъ съ лошадыю совершенно такъ, какъ говорятъ съ понимающими слова существами, и, обмахнувъ полой жирную съ желобкомъ по срединѣ, развѣденную и засыпанную пылью спину, онъ надѣлъ на красивую молодую голову жеребца узду, выпросталъ ему уши и чолку и, скинувъ обротъ, повелъ поить.

Осторожно выбравшись изъ высоко занавоженного хлѣва, Мухортый заигралъ и взбрыкнулъ, притворяясь, что хочетъ задней ногой ударить рысью бѣжавшаго съ нимъ къ колодцу Никиту.

— Балуй, балуй, шельмецъ!—приговаривалъ Никита, знавшій ту осторожность, съ которой Мухортый вскидывалъ задней ногой только такъ, чтобы коснуться его засаленного полушубка, но не ударить, и особенно любившій эту замашку.

Напившись студеной воды, лошадь вздохнула, пошевеливая мокрыми крѣпкими губами, съ которыхъ капали съ усовъ въ корыто прозрачныя капли, и замерла, какъ будто задумавшись, потомъ вдругъ громко фыркнула.

— Не хочешь, не надо, такъ и знать будемъ; ужъ больше не проси,—сказалъ Никита, совершенно серьезно и обстоятельно разясняя свое поведеніе Мухортому, и опять побѣждалъ къ сараю, подергивая за поводъ взбрыкивающую и на весь дворъ потрескивающую веселую молодую лошадь.

Работниковъ никого не было; былъ только одинъ чужой,—пришедшій на праздникъ, кухаркинъ мужъ.

— Поди, спроси, душа милая, — сказалъ ему Никита, — какія сани велить запрягать, пошевни али махонькія?

Кухаркинъ мужъ пошелъ въ желѣзомъ крытый на высокомъ фундаментѣ домъ и скоро вернулся съ извѣстіемъ, что велѣно впрягать махонькія. Никита въ это время уже надѣлъ хомутъ, подвязалъ сѣделку, обитую гвоздиками, и, въ одной рукѣ неся легкую крашеную дугу, а въ другой ведя лошадь, подходилъ къ двумъ стоявшимъ подъ сараемъ санямъ.

— Въ махонькія такъ въ махонькія, — сказалъ онъ и ввелъ въ оглобли умную лошадь, все время притворявшуюся, что она хочетъ кусать его, и съ помощью кухаркина мужа сталъ запрягать.

Когда все было почти готово и оставалось только завожжать, Никита послалъ кухаркина мужа въ сарай за соломой и въ амбаръ за веретемъ.

— Вотъ и ладно. Но, но, не топырься! — говорилъ Никита, уминая въ саняхъ, принесенную кухаркинымъ мужемъ, свѣже-обмолоченную овсяную солому. — А теперь вотъ, давай, дерюжку такъ постелимъ; а сверху веретъ. Вотъ такъ-то, вотъ такъ-то и хорошо будетъ сидѣть, говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ, — подтыкая веретъ сверху соломы со всѣхъ сторонъ вокругъ сидѣнья.

— Вотъ, спасибо, душа милая, — сказалъ Никита кухаркину мужу, — вдвоемъ все спорѣе. — И, разобравъ ременные съ кольцомъ на соединенномъ концѣ возжи, Никита присѣлъ на облучокъ и тронулъ просившую хода добрую лошадь по мерзлому навозу двора къ воротамъ.

— Дядя Микитъ, дядюшка, а дядюшка! — закричалъ сзади его тоненькимъ голоскомъ, торопливо выбѣжавшій изъ сѣней на дворъ, семилѣтній мальчикъ въ черномъ полушубочкѣ, новыхъ бѣлыхъ валенкахъ и теплой шапкѣ. — Меня посади, — просилъ онъ, на ходу застегивая свой полушубочекъ.

— Ну, ну, бѣги, голубокъ, — сказалъ Никита и, остановивъ, посадилъ просіявшаго отъ радости хозяйскаго блѣднаго худенькаго мальчика и выѣхалъ на улицу.

Быль часъ третій. Было морозно — градусовъ десять, пасмурно и вѣтренно. Половина неба была закрыта низкой темной тучей. Но на дворѣ было тихо. На улицѣ же вѣтеръ былъ замѣтнѣе: съ крыши сосѣдняго сарая мело снѣгъ и на углу, у бани, крутило. Едва только Никита выѣхалъ въ ворота и завернулъ лошадь къ крыльцу, какъ и Василій Андреичъ, съ папироской во рту, въ крытомъ овчинномъ тулупѣ, туго и низко подпоясанный кушакомъ, вышелъ изъ сѣней на повизгивающее подъ его кожей обшитыми валенками утоптанное

снѣгомъ высокое крыльцо и остановился. Затянувшись остаткомъ попироски, онъ бросилъ ее подъ ноги и наступилъ на нее и, выпуская черезъ усы дымъ и косясь на выѣзжавшую лошадь, сталъ заправлять съ обѣихъ сторонъ своего румянаго, бритаго, кромѣ усовъ, лица углы воротника тулупа съ мѣхомъ внутрь, такъ, чтобы мѣхъ не потѣлъ отъ дыханія.

— Вишь ты, прокурать какой, поспѣлъ ужъ!—сказалъ онъ, увидавъ сынишку въ саняхъ. Василій Андреичъ былъ возбужденъ выпитымъ съ гостями виномъ и потому еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежало, и всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Видъ своего сына, котораго онъ всегда въ мысляхъ называлъ наслѣдникомъ, доставлялъ ему теперь большое удовольствіе; онъ, щурясь и оскаливая длинные зубы, смотрѣлъ на него.

Закутанная по головѣ и плечамъ шерстянымъ платкомъ, такъ что только глаза ея были видны, беременная, блѣдная и худая жена Василія Андреича, провожая его, стояла за нимъ въ сѣняхъ.

— Право, Никиту бы взялъ,—говорила она, робко выступая изъ-за двери.

Василій Андреичъ ничего не отвѣчалъ и на слова ея, которыя были ему очевидно непріятны, сердито нахмурился и плюнулъ.

— Съ деньгами поѣдешь,—продолжала тѣмъ же жалобнымъ голосомъ жена.— Да и погода не поднялась бы, право, ей Богу.

— Что-жъ я иль дороги не знаю, что мнѣ безпремѣнно провожатаго нужно? — проговорилъ Василій Андреичъ, съ тѣмъ неестественнымъ напряженіемъ губъ, съ которымъ онъ обыкновенно говорилъ съ продавцами и покупателями, съ особенной отчетливостью выговаривая каждый слогъ.

— Ну, право, взялъ бы, Богомъ тебя прошу!—повторила жена, перекутывая платокъ на другую сторону.

— Вотъ какъ банный листъ пристала... ну куда я его возьму?

— Что же, Василій Андреичъ, я готовъ, — весело сказалъ

Никита. — Только лошадямъ корма бы безъ меня дали, — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я посмотрю, Никитушка, Семену велю, — сказала хозяйка.

— Такъ что же, ѣхать что ли, Василій Андреичъ? — сказалъ Никита, ожидая.

— Да ужъ видно уважить старуху. Только коли ѣхать, поди одѣнь дипломатъ какой потеплѣе, — выговорилъ Василій Андреичъ, опять улыбаясь и подмигивая глазомъ на прорванный подъ мышками и въ спинѣ и въ подолѣ бахромой разорванный, засаленный и свалявшійся, всего видавшій, полушубокъ Никиты.

— Эй, душа милая, выдь, поддержи лошадей! — крикнулъ Никита во дворъ кухаркину мужу.

— Я самъ, я самъ! — запищалъ мальчикъ, вынимая зазябшія красныя рученки изъ кармановъ и хватаясь ими за холодныя ременные вожжи.

— Только не больно охорашивай дипломатъ-то свой, поживѣй! — крикнулъ Василій Андреичъ, зубоскаля на Никиту.

— Однимъ пыхомъ, батюшка, Василій Андреичъ, — проговорилъ Никита и, быстро мелькая носками внутри своими старыми, подшитыми войлочными подметками, валенками, побѣжалъ во дворъ и рабочую избу.

— Ну-ка, Аринушка, халатъ давай мой съ печи — съ хозяиномъ ѣхать! — проговорилъ Никита, вбѣгая въ избу и снимая кушакъ съ гвоздя.

Работница, выпавшаяся послѣ обѣда и теперь ставившая самоваръ для мужа, весело встрѣтила Никиту и, зараженная его поспѣшностью, такъ же, какъ онъ, быстро зашевелилась и достала съ печи, сушившійся тамъ, плохонькій, проношенный суконный кафтанъ и начала поспѣшно отряхивать и разминать его.

— То-то тебѣ съ хозяиномъ просторно гулять будетъ, — сказалъ Никита кухаркѣ, всегда изъ добродушной учтивости чтонибудь да говорившій человѣку, когда оставался съ нимъ съ глазу на глазъ.

И, обведя вокругъ себя узенькій свалывшійся кушачокъ, онъ втянулъ въ себя и такъ тощее брюхо и затянулся по полушубку что было силы.

— Вотъ такъ-то, — сказалъ онъ послѣ этого, обращаясь уже не къ кухаркѣ, а къ кушаку, засовывая его концы за поясъ, — такъ не выскочишь, — и, приподнявъ и опустивъ плечи, чтобы была развязность въ рукахъ, онъ надѣлъ сверху халатъ, тоже напружилъ спину, чтобы рукамъ вольно было, подбилъ подъ мышками и досталъ съ полки рукавицы. — Ну, вотъ и ладно.

— Ты бы, Степанычъ, ноги-то перебулъ, — сказала, кухарка, — а то сапоги худые.

Никита остановился, какъ бы вспомнивъ.

— Надо бы... Ну, да сойдетъ и такъ, недалече!

И онъ побѣжалъ на дворъ.

— Не холодно тебѣ будетъ, Никитушка? — сказала хозяйка, когда онъ подошелъ къ санямъ.

— Чего холодно, тепло вовсе, — отвѣчалъ Никита, оправляя солому въ головашкахъ саней, чтобы закрыть ею ноги, и засовывая ненужный для доброй лошади кнутъ подъ солому.

Василій Андреичъ уже сидѣлъ въ саняхъ, наполняя своей, одѣтою въ двухъ шубахъ, спиною почти весь гнутый задокъ саней, и тотчасъ же, взявъ вожжи, тронулъ лошадь. Никита на ходу примостился спереди съ лѣвой стороны и высунулъ одну ногу.

II.

Добрый жеребецъ съ легкимъ скрипомъ полозьевъ сдвинулъ санки и бойкой ходою тронулся по накатанной въ поселкѣ морозной дорогѣ.

— Ты куда прицѣпился? Дай сюда кнутъ, Микита! — крикнулъ Василій Андреичъ, очевидно радуясь на наследника, который примостился было сзади на полозьяхъ. — Я тебя! Бѣги къ мамашѣ, сукинъ сынъ!

Мальчикъ соскочилъ. Мухортый прибавилъ иноходи и, заёкавъ, перешелъ на рысь.

Кресты, въ которыхъ стоялъ домъ Васи́лія Андреича, состояли изъ шести домовъ. Какъ только они вы́ехали за послѣднюю кузнецову избу, они тотчасъ же замѣтили, что вѣтеръ гораздо сильнѣе, чѣмъ они думали. Дороги уже почти не видно было. Слѣдъ полозьевъ тотчасъ же заметало и дорогу можно было отличить только потому, что она была выше остального мѣста. По всему полю крутило, и не видно было той черты, гдѣ сходится земля съ небомъ. Телятинскій лѣсъ, всегда хорошо видный, только изрѣдка смутно чернѣлъ черезъ снѣжную пыль. Вѣтеръ дулъ съ лѣвой стороны, заворачивая упорно въ одну сторону гриву на крутой, наѣденной шеѣ Мухортаго, и сворачивалъ на бокъ его, простымъ узломъ подвязанный, пушистый хвостъ. Длинный воротникъ Никиты, сидѣвшаго со стороны вѣтра, прижимался къ его лицу и носу.

— Бѣгу ей настоящаго нѣтъ, снѣжно, — сказалъ Васи́лій Андреичъ, гордясь своей хорошей лошадыю. — Я разъ въ Пашутино ѣздилъ на немъ жѣ, такъ онъ въ полчаса доставилъ.

— Чаго? — спросилъ, не разслышавъ изъ-за воротника, Никита.

— Въ Пашутино, говорю, въ полчаса доѣхалъ, — прокричалъ Васи́лій Андреичъ.

— Что и говорить, лошадь добрая! — сказалъ Никита.

Они помолчали. Но Васи́лію Андреичу хотѣлось говорить.

— Что-жъ, хозяйкѣ-то, я чай, наказывалъ бондаря не поить? — заговорилъ тѣмъ же громкимъ голосомъ Васи́лій Андреичъ, столь увѣренный въ томъ, что Никитѣ должно быть лестно поговорить съ такимъ значительнымъ и умнымъ человѣкомъ, какъ онъ, и столь довольный своей шуткой, что ему и въ голову не приходило, что разговоръ этотъ можетъ быть непріятенъ Никитѣ.

Никита опять не разслышалъ относимый вѣтромъ звукъ словъ хозяина.

Васи́лій Андреичъ повторилъ своимъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ свою шутку о бондарѣ.

— Богъ съ ними, Васи́лій Андреичъ, я не вникаю въ эти дѣла. Мнѣ, чтобы малаго она не обижала, а то Богъ съ ней.

— Это такъ, сказалъ Василій Андреичъ. — Ну, а что-жъ, лошадь-то будешь покупать къ веснѣ? — началъ онъ новый предметъ разговора.

— Да не миновать, — отвѣчалъ Никита, отворотивъ воротникъ кафтана и перегнувшись къ хозяину.

Теперь ужъ разговоръ былъ интересенъ Никитѣ, и онъ желалъ все слышать.

— Малый возросъ, надо самому пахать, и то все наймали, — сказалъ онъ.

— Что же, берите безкостречнаго, дорого не положу! — прокричалъ Василій Андреичъ, чувствуя себя возбужденнымъ и вслѣдствіе этого нападая на любимое, поглощавшее всѣ его умственные силы, занятіе — барышничество.

— А-то рубликовъ пятнадцать дадите, я на конной куплю, — сказалъ Никита, знавшій, что красная цѣна безкостречному, котораго хочетъ ему сбыть Василій Андреичъ, рублей семь, а что Василій Андреичъ, отдавъ ему эту лошадь, будетъ считать ее рублей въ двадцать пять и тогда за полгода не увидишь отъ него денегъ.

— Лошадь хорошая. Я тебѣ желаю какъ самому себѣ. По совѣсти. Брехуновъ никакого человѣка не обидитъ. Пускай мое пропадаетъ, а не то, чтобы какъ другіе. По чести, — прокричалъ онъ своимъ тѣмъ голосомъ, которымъ онъ заговаривалъ зубы своимъ продавцамъ и покупателямъ. — Лошадь настоящая!

— Какъ есть, — сказалъ Никита, вздохнувъ, и, убѣдившись, что слушать больше нечего, пустилъ рукой воротникъ, который тотчасъ же закрылъ ему ухо и лицо.

Съ полчаса они ѣхали молча. Вѣтеръ продувалъ Никитѣ бокъ и руку, гдѣ шуба была прорвана.

Онъ пожимался и дышалъ въ воротникъ, закрывавшій ему ротъ, и ему всему было не холодно.

— Что, какъ думаешь, на Карамышево поѣдемъ али прямо? — спросилъ Василій Андреичъ.

На Карамышево ѣзда была по болѣе бойкой дорогѣ, установленной хорошими вѣшками въ два ряда, но — дальше. Прямо

было ближе, но дорога была мало ѣзжена и вѣшекъ не было или были плохонькія, занесенныя.

Никита подумалъ немного.

— На Карамышево хотя и подальше да ѣздовитѣе, — проговорилъ онъ.

— Да вѣдь прямо только лошинку проѣхать не сбиться, а тамъ лѣсомъ хорошо, — сказалъ Василій Андреичъ, которому хотѣлось ѣхать прямо.

— Воля ваша — сказалъ Никита и опять пустилъ воротникъ.

Василій Андреичъ такъ и сдѣлалъ и, отѣхавъ съ полверсты, у высокой, мотавшейся отъ вѣтра, дубовой вѣтки съ сухими, кой-гдѣ державшимися на ней, листьями, свернулъ влѣво.

Вѣтеръ съ поворота сталъ имъ почти встрѣчный. И сверху пошелъ снѣжокъ. Василій Андреичъ правилъ, надувалъ щеки и пускалъ духъ себѣ снизу въ усы. Никита дремалъ.

Они молча проѣхали такъ минутъ десять. Вдругъ Василій Андреичъ заговорилъ что-то.

— Чаго? — спросилъ Никита, открывая глаза.

Василій Андреичъ не отвѣчалъ, а изгибался, оглядываясь назадъ и впередъ передъ лошадыю. Лошадь, закурчавившаяся отъ пота въ пахахъ и на шеѣ, шла шагомъ.

— Чаго ты, говорю? — повторилъ Никита.

— Чаго, чаго! — передразнилъ его Василій Андреичъ сердито. — Вѣшекъ не видать! Должно — сбились!

— Такъ стой же, я дорогу погляжу, — сказалъ Никита и, легко соскочивъ съ саней и доставъ кнутъ изъ-подъ соломы, пошелъ влѣво и съ той стороны, съ которой сидѣлъ.

Снѣгъ въ этомъ году былъ не глубокий, такъ что вездѣ была дорога, но все-таки кое-гдѣ онъ былъ по колѣно и засыпался Никитѣ въ сапогъ. Никита ходилъ, щупалъ ногами и кнутомъ, но дороги нигдѣ не было.

— Ну что? — сказалъ Василій Андреичъ, когда Никита подошелъ опять къ санямъ.

— Съ этой стороны нѣту дороги. Надо въ ту сторону пойти походить.

— Вонъ что-то впереди чернѣетъ, ты туда дойди погляди, — сказалъ Василій Андреичъ.

Никита пошелъ и туда, подошелъ къ тому, что чернѣлось — это чернѣлась земля, насыпавшаяся съ оголенныхъ озимей сверхъ снѣга и окрасившая снѣгъ чернымъ. Походивъ и справа, Никита вернулся къ санямъ, обиль съ себя снѣгъ, вытряхнулъ его изъ сапога и сѣлъ въ сани.

— Вправо ѣхать надо, — сказалъ онъ рѣшительно. — Вѣтеръ мнѣ въ лѣвый бокъ былъ, а теперь прямо въ морду. Пошелъ вправо! — рѣшительно сказалъ онъ.

Василій Андреичъ послушалъ его и взялъ вправо. Но дороги все не было. Они проѣхали такъ нѣсколько времени. Вѣтеръ не уменьшался, и пошелъ снѣжокъ.

— А мы, Василій Андреичъ, видно вовсе сбились, — вдругъ сказалъ какъ будто съ удовольствіемъ Никита. — Это что? — сказалъ онъ, указывая на черную картофельную ботву, торчавшую изъ-подъ снѣга.

Василій Андреичъ остановилъ, уже вспотѣвшую и тяжело водившую крутыми боками, лошадь.

— А что? — спросилъ онъ.

— А то, что мы на Захаровскомъ полѣ. Вонъ куда заѣхали!

— Вре? — откликнулся Василій Андреичъ.

— Не вру я, Василій Андреичъ, а правду говорю, — сказалъ Никита, — и по санямъ слышно — по картофелищу ѣдемъ; а вонъ и кучи — ботву свозили. Захаровское заводское поле.

— Вишь ты, куда сбились! — сказалъ Василій Андреичъ. — Какъ же быть-то?

— А надо прямо брать, вотъ и все, куданибудь да выѣдемъ, — сказалъ Никита. — Не въ Захаровку, такъ на барскій хуторъ выѣдемъ.

Василій Андреичъ послушался и пустилъ лошадь, какъ велѣлъ Никита. Они ѣхали такъ довольно долго. Иногда они выѣзжали на оголенные зеленыя, и сани гремѣли по колчамъ мерзлой земли. Иногда выѣзжали на жнивье, то на озимое, то на яровое, по которымъ изъ-подъ снѣга виднѣлись мотав-

шіяся отъ вѣтра пыли и соломины; иногда вѣзжали въ глубокій и вездѣ одинаково бѣлый ровный снѣгъ, сверху котораго уже ничего не было видно.

Снѣгъ шелъ сверху и иногда поднимался снизу. Лошадь, очевидно, утомилась, вся закурчавилась и заиндѣвѣла отъ пота и шла шагомъ. Вдругъ она оборвалась и сѣла въ водомоину или въ канаву. Василій Андреичъ хотѣлъ остановить, но Никита закричалъ на него:

— Чего держать! Заѣхали — выѣзжать надо. Но, миленькій! но! но, родной! — закричалъ онъ веселымъ голосомъ на лошадь, выскакивая изъ саней и самъ увязая въ канавѣ.

Лошадь рванулась и тотчасъ же выбралась на мерзлую насыпь. Очевидно, это была копанная канавка.

— Гдѣ же это мы? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А вотъ узнаемъ! — отвѣчалъ Никита. — Трогай знай, куда нибудъ выѣдемъ.

— А вѣдь это, должно, Горячкинскій лѣсъ? — сказалъ Василій Андреичъ, указывая на что-то черное, показавшееся изъ-за снѣга впереди ихъ.

— Вотъ подѣдемъ, увидимъ, какой такой лѣсъ, — сказалъ Никита.

Никита видѣлъ, что со стороны чернѣвшагося чего-то неслись сухіе продолговатые листья лозины, и потому зналъ, что это не лѣсъ, а жилье, но не хотѣлъ говорить. И дѣйствительно, не проѣхали они еще и десяти сажень послѣ канавы, какъ передъ ними зачернѣлись, очевидно, деревья и послышался какой-то новый унылый звукъ. Никита угадалъ вѣрно — это былъ не лѣсъ, а рядъ высокихъ лозинъ, съ кое-гдѣ трепавшимися еще на нихъ листьями. Лозины, очевидно, были обсажены по канавѣ гумна. Подѣхавъ къ уныло гудѣвшимъ на вѣтру лозинамъ, лошадь вдругъ поднялась передними ногами выше саней, выбралась и задними на возвышеніе, повернула влево и перестала утопать въ снѣгу по колѣна. Это была дорога.

— Вотъ и пріѣхали, — сказалъ Никита, — а не знамо куда. Лошадь, не сбиваясь, пошла по занесенной дорогѣ, и не

проѣхали они по ней сорока саженьей, какъ зачернѣлась прямая полоса плетня риги подъ толсто засыпанной снѣгомъ крышей, съ которой не переставая сыпался снѣгъ. Миновавъ ригу, дорога повернула по вѣтру, и они вѣхали въ сугробъ. Но впереди виднѣлся проулокъ между двумя домами, такъ что, очевидно, сугробъ надуло на дорогѣ и надо было переѣхать его. И дѣйствительно, переѣхавъ сугробъ, они вѣхали въ улицу. У крайняго двора на веревкѣ отчаянно трепалось отъ вѣтра развѣшенное замерзшее бѣлье: рубахи, одна красная, одна бѣлая, портки, онучи и юбка. Бѣлая рубаха особенно отчаянно рвалась, махая своими рукавами.

— Вишь, баба лѣнивая, а либо умираетъ, бѣлье къ празднику не собрала,—сказалъ Никита, глядя на мотавшіяся рубахи.

III.

Въ началѣ улицы еще было вѣтрено, и дорога была замечена, но въ серединѣ деревни стало тихо, тепло и весело. У одного двора лаяла собака, у другого баба, закрывшись съ головой поддевкой, прибѣжала откуда-то и зашла въ дверь избы, остановившись на порогѣ, чтобы поглядѣть на проѣзжающихъ. Изъ середины деревни слышались пѣсни дѣвокъ.

Въ деревнѣ, казалось, и вѣтра, и снѣга, и мороза было меньше.

— А вѣдь это Гришкино — сказалъ Василій Андреичъ.

— Оно и есть — отвѣчалъ Никита.

И дѣйствительно, это было Гришкино. Выходило такъ, что они сбились влѣво и проѣхали верстъ восемь не совсѣмъ въ томъ направленіи, которое имъ нужно было, но все-таки подвинулись къ мѣсту своего назначенія. До Горячкина отъ Гришкина было верстъ пять.

Въ серединѣ деревни они наткнулись на высокаго человека, шедшаго по серединѣ улицы.

— Кто ѣдетъ? — крикнулъ этотъ человекъ, останавливая лошадь, и, тотчасъ же узнавъ Василя Андреича, схватился за

оглоблю и, перебирая по ней руками, дошелъ до саней и сѣлъ на облучокъ.

Это былъ знакомый Василю Андреичу мужикъ Исай, извѣстный въ округѣ за перваго конокрада.

— А! Василій Андреичъ! Куда же это васъ Богъ несетъ? — сказалъ Исай, обдавая Никиту запахомъ выпитой водки.

— Да мы въ Горячкино было.

— Вона куда заѣхали! Вамъ бы на Малахово надо.

— Мало, что надо, да не потрафили — сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

— Лошадка-то добрая! — сказалъ Исай, оглядывая лошадь и затягивая ей привычнымъ движеніемъ подъ самую рѣпицу ослабшій узелъ завязаннаго густого хвоста.

— Что же, ночевать, что ли?

— Нѣ, братъ, обязательно ѣхать надо.

— Нужно, видно. А это чей? А! Никита Степанычъ!

— А то кто же? — отвѣчалъ Никита. — А вотъ какъ бы, душа милая, намъ тутъ не сбиться опять.

— Гдѣ же тутъ сбиться! Поворачивай назадъ, по улицѣ прямо, а тамъ, какъ выѣдешь, все прямо. Влѣво не бери. Выѣдешь на большакъ, а тогда — вправо.

— Поворотъ-то съ большака гдѣ? По лѣтнему или по зимнему? — спросилъ Никита.

— По зимнему. Сейчасъ, какъ выѣдешь, кустики, насу-противъ кустиковъ еще вѣшка большая, дубовая, кудрявая стоитъ, тутъ и есть.

Василій Андреичъ повернулъ лошадь назадъ и поѣхалъ слободой.

— А то ночевали бы — прокричалъ имъ сзади Исай.

Но Василій Андреичъ не отвѣчалъ ему и потрогивалъ лошадь: пять верстъ ровной дороги, изъ которыхъ двѣ были лѣсомъ, казалось легко проѣхать, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ какъ будто затихъ и снѣгъ переставалъ.

Проѣхавъ опять улицей по накатанной и чернѣвшей кое-гдѣ свѣжимъ навозомъ дорогѣ и миновавъ дворъ съ бѣльемъ, у котораго бѣлая рубаха уже сорвалась и висѣла на одномъ

мерзломъ рукавѣ, они опять выѣхали къ страшно гудѣвшимъ лозинамъ и опять очутились въ открытомъ полѣ. Метель не только не стихала, но, казалось, еще усилилась. Дорога была вся заметена и можно было знать, что не сбился, только по вѣшкамъ. Но и вѣшки впереди трудно было разсматривать, потому что вѣтеръ былъ встрѣчный.

Василій Андреичъ шурился, нагибалъ голову и разглядывалъ вѣшки, но больше пускалъ лошадь, надѣясь на нее. И лошадь, дѣйствительно, не сбивалась и шла, поворачивая то вправо, то влево по извилинамъ дороги, которую она чужала подъ ногами, такъ что, несмотря на то, что снѣгъ сверху усилился и усилился вѣтеръ, вѣшки продолжали быть видны то справа, то слева.

Такъ проѣхали они минутъ десять, какъ вдругъ прямо передъ лошадью показалось что-то черное, двигавшееся въ косой сѣткѣ гонимаго вѣтромъ снѣга. Это были попутчики. Мухортый совсѣмъ догналъ ихъ и стучалъ ногами объ кресла впереди ѣдущихъ саней.

— Обѣзжай... а-а-й... передомъ! — кричали изъ саней.

Василій Андреичъ сталъ обѣзжать. Въ саняхъ сидѣли три мужика и баба. Очевидно, это ѣхали гости съ праздника. Одинъ мужикъ хлесталъ засыпанный снѣгомъ задъ лошаденки хвостиною. Двое, махая руками, кричали что-то въ передкѣ. Укутанная баба, вся засыпанная снѣгомъ, не шевелясь сидѣла, нахохлившись, въ задкѣ саней.

— Чьи будете? — закричалъ Василій Андреичъ.

— А-а-а... скіе! — только слышно было.

— Чьи, говорю?

— А-а-а-скіе! — изо всѣхъ силъ закричалъ одинъ изъ мужиковъ, но все таки нельзя было слышать какіе.

— Вали! Не сдавай! — кричалъ другой, не переставая молотить хвостиною по лошаденкѣ.

— Отъ праздника, видно?

— Пошелъ, пошелъ! Вали, Семка! Обѣзжай! Вали!

Сани стукнулись другъ о друга отводами, чуть не зацѣпились, расцѣпились, и мужицкія сани стали отставать.

Косматая, вся засыпанная снѣгомъ, брюхастая лошаденка, тяжело дыша подъ низкой дугой, очевидно изъ послѣднихъ силъ тщетно стараясь убѣжать отъ ударявшей ее хвостины, ковыляла своими коротенькими ногами по глубокому снѣгу, подкидывая ихъ подъ себя. Морда, очевидно молодая, съ

Въ саняхъ сидѣли три мужика и баба. Очевидно, это ѣхали гости съ праздника.

Одинъ мужикъ хлесталъ засыпанный снѣгомъ задъ лошаденки хвостиною. *ente*

подтянутой, какъ у рыбы, нижней губой, съ расширенными ноздрями и прижатыми отъ страха ушами, подержалась нѣсколько секундъ подлѣ плеча Никиты, потомъ стала отставать.

— Вино-то что дѣлаетъ, — сказалъ Никита. — На отдѣлку замучали лошаденку. Азіаты какъ есть!

Нѣсколько минутъ слышны были сопѣнье ноздрей заму-

ченной лошадежки и пьяные крики мужиковъ, потомъ затихло сопѣнье, потомъ замолкли и крики. И кругомъ опять ничего не стало слышно, кромѣ свистящаго около ушей вѣтра и изрѣдка слабаго скрипа полозьевъ по сдутымъ мѣстамъ дороги.

Встрѣча эта развеселила и ободрила Василія Андреича, и онъ смѣлѣе, не разбирая вѣшекъ, погналъ лошадь, надѣясь на нее.

Никитѣ дѣлать было нечего, и какъ всегда, когда онъ находился въ такомъ положеніи, онъ дремалъ, наверстывая много недоспаннаго времени. Вдругъ лошадь остановилась, и Никита чуть не упалъ, клюнувъ впередъ носомъ.

— А вѣдь мы опять неладно ѣдемъ, — сказалъ Василій Андреичъ.

— А что?

— Да вѣшекъ не видать. Должно, опять сбились съ дороги.

— А сбились съ дороги, поискать надо, — коротко сказалъ Никита, всталъ и опять, легко шагая своими внутрь вывернутыми ступнями, пошелъ ходить по снѣгу.

Онъ долго ходилъ, скрываясь изъ вида, опять показываясь и опять скрываясь, и наконецъ вернулся.

— Нѣтъ тутъ дороги, можетъ впереди гдѣ, — сказалъ онъ, садясь на сани.

Начинало уже замѣтно смеркаться. Метель не усиливалась, но и не слабѣла.

— Хоть бы тѣхъ мужиковъ услыхать, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Да, вишь, не догнали, должно далеко сбились. А може и они сбились, — сказалъ Никита.

— Куда же ѣхать-то? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А пустить лошадь надо, — сказалъ Никита. — Онъ приведетъ. Давай вожжи!

Василій Андреичъ отдалъ вожжи тѣмъ болѣе охотно, что руки его въ теплыхъ перчаткахъ начинали зябнуть.

Никита взялъ вожжи и только держалъ ихъ, стараясь не шевелить ими, радуясь на умъ своего любимца. Дѣствительно, умная лошадь, повертывая то въ одну, то въ другую сторону то одно, то другое ухо, стала поворачивать.

— Только не говорить, — приговаривалъ Никита. — Вишь что дѣлаетъ! Иди, иди, знай! Такъ, такъ.

Вѣтеръ сталъ дуть взадъ, стало теплѣе.

— И уменъ же, — продолжалъ радоваться на лошадь Никита. — Киргизенокъ — тотъ силенъ, а глупъ. А этоть, гляди, что ушами дѣлаетъ. Никакого телеграфа не надо, за версту чуетъ.

Теперь слѣва у нихъ была та самая рига, съ которой несло снѣгъ, и дальше та же веревка съ замерзшимъ бѣльемъ, рубахами и портками, которые все такъ же отчаянно трепались отъ вѣтра.

И не прошло еще получаса, какъ впереди, дѣйствительно зачернѣло что-то: лѣсъ ли, деревня, и съ правой стороны показались опять вѣшки. Очевидно, они опять выѣхали на дорогу.

— А вѣдь это опять Гришкино, — вдругъ проговорилъ Никита.

Дѣйствительно, теперь слѣва у нихъ была та самая рига, съ

которой несло снѣгъ, и дальше та же веревка съ замерзшимъ бѣльемъ, рубахами и портками, которые все такъ же отчаянно трепались отъ вѣтра.

Опять они вѣхали въ улицу, опять стало тихо, тепло, весело, опять стала видна навозная дорога, опять слышались голоса, пѣсни, опять залаяла собака. Уже на столько смеркло, что въ нѣкоторыхъ окнахъ засвѣтились огни.

По срединѣ улицы Василій Андреичъ повернулъ лошадь къ большому, въ двѣ кирпичныя связи, дому и остановилъ ее у крыльца.

Никита подошелъ къ занесенному освѣщенному окну, въ свѣтѣ котораго блестѣли перепархивающія снѣжинки, и постучалъ кнутовищемъ.

— Кто тамъ? — откликнулся голосъ на призывъ Никиты.

— Съ Крестовъ, Брехуновы, милый человѣкъ, — отвѣчалъ Никита. — Выдь-ка на часъ!

Отъ окна отошли, и черезъ минуты двѣ — слышно было — отлипла дверь въ сѣняхъ, потомъ стукнула щеколда въ наружной двери, и, придерживая дверь отъ вѣтра, высунулся высокій старый съ бѣлой бородой мужикъ въ накинутомъ полушубкѣ сверхъ бѣлой праздничной рубахи и за нимъ малый въ красной рубахѣ и кожаныхъ сапогахъ.

— Ты, что ли, Андреичъ? — сказалъ старикъ.

— Да вотъ заплутали, братъ, — сказалъ Василій Андреичъ, — хотѣли въ Горячкино, да вотъ къ вамъ попали. Отъѣхали, опять заплутали.

— Вишь, какъ сбились, — сказалъ старикъ, — Петрушка, поди отвори ворота! — обратился онъ къ малому въ красной рубахѣ.

— Это можно, — отвѣчалъ малый веселымъ голосомъ и побѣждалъ въ сѣни.

— Да мы, братъ, не ночевать, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Куда ѣхать ночное время, ночуй!

— И радъ бы ночевать, да ѣхать надо. Дѣла, братъ, нелзя.

— Ну, погрѣйся, по крайности, прямо къ самовару, — сказалъ старикъ.

— Погрѣться — это можно, — сказалъ Василій Андреичъ: —

темнѣе не будетъ, а мѣсяцъ взойдетъ, посвѣтлѣетъ. Зайдемъ что-ль, погрѣмся, Микитъ?

— Ну, что-жъ, и погрѣться можно, — сказалъ Никита, сильно перезябшій и очень желавшій отогрѣть въ теплѣ свои зазябшіе члены.

Василій Андреичъ пошелъ со старикомъ въ избѣ, а Никита вѣхалъ въ отворенныя Петрушкой ворота и, по указанію его, вдвинулъ лошадь подъ навѣсъ сарая. Сарай былъ поднавоженный, и высокая дуга зацѣпила за переметъ. Ужъ усѣвшіися на переметѣ куры съ пѣтухомъ что-то недовольно заквахали и поцапались лапками по перемету. Встревоженные овцы, топая копытами по мерзлomu навозу, шарахнулись въ сторону. Собака, отчаянно взвизгивая, съ испугомъ и злостью пощенячьи заливалась-лаяла на чужого.

Никита поговорилъ со всѣми: извинился передъ курами, успокоилъ ихъ, что больше не потревожитъ, упрекнулъ овецъ за то, что онѣ пугаются, сами не зная чего, и не переставая усовѣщивалъ собаченку въ то время, какъ привязывалъ лошадь.

— Вотъ такъ-то и ладно будетъ, — сказалъ онъ, охлопывая съ себя снѣгъ. — Вишь, заливается! — прибавилъ онъ на собаку. — Да будетъ тебѣ! Ну, буде, глупая, буде. Только себя безпокоишь, — говорилъ онъ. — Не воры, свои...

— А это, какъ сказано, три домашніе совѣтника, — сказалъ малый, закидывая сильной рукой подъ навѣсъ, оставшіяся снаружи, санки.

— Это какъ же совѣтники? — сказалъ Никита.

— А такъ въ Пульсонѣ напечатывано: воръ подкрадывается къ дому, собака лаетъ — не зѣвай, значитъ, смотри. Пѣтухъ поетъ, значитъ — вставай. Кошка умывается, значитъ — дорогой гость, приготовься угостить его, — проговорилъ малый, улыбаясь.

Петруха былъ грамотный и зналъ почти наизусть имѣвшуюся у него единственную книгу Паульсона и любилъ, особенно когда онъ былъ немного выпивши, какъ нынче, приводить изъ нея казавшіяся ему подходящими къ случаю изреченія.

— Это точно, — сказалъ Никита.

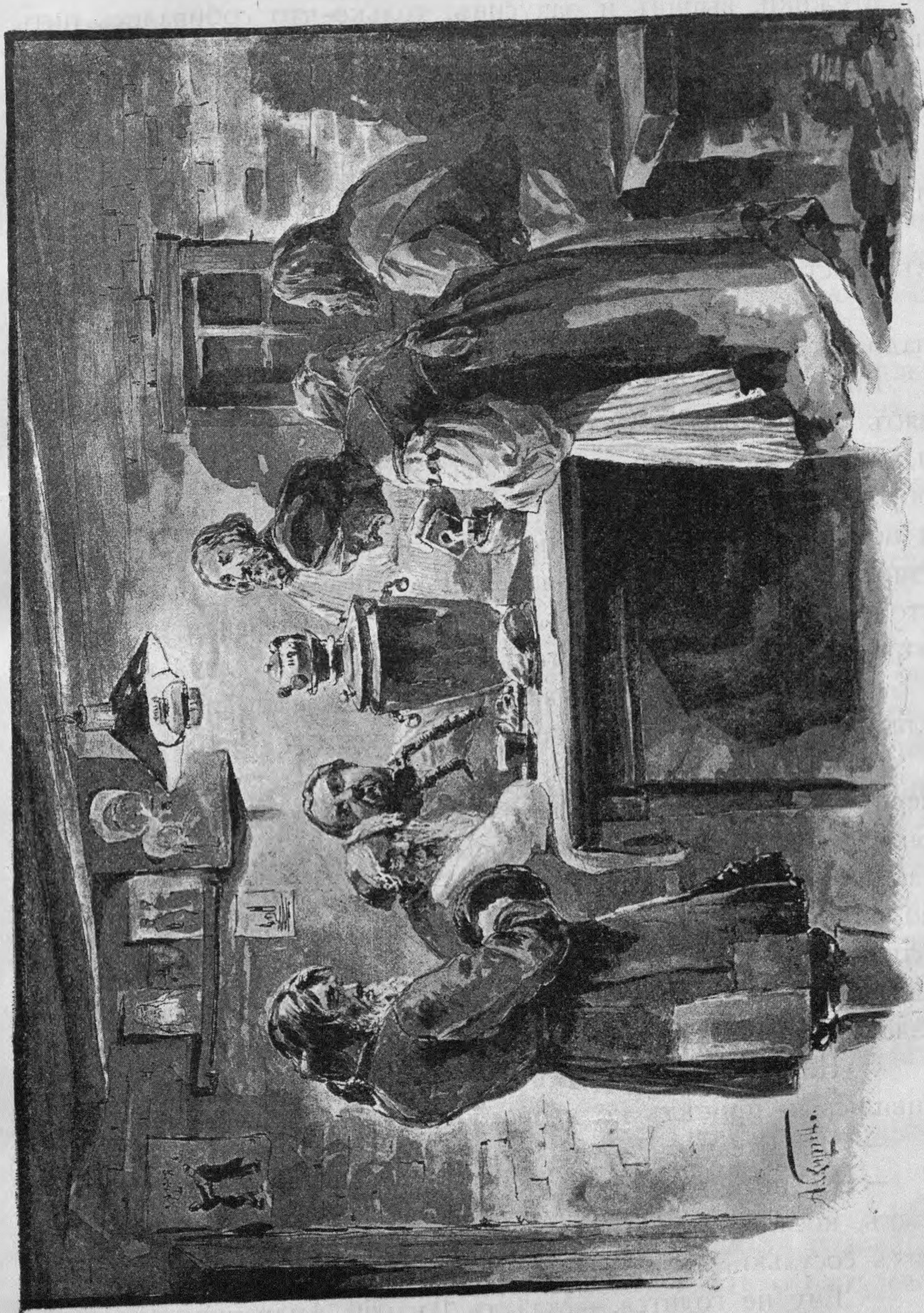
— Прозябъ, я чай, дядюшка? — прибавилъ Петруха.

— Да, есть-таки, — сказалъ Никита, и они пошли черезъ дворъ и сѣни въ избу.

IV.

Дворъ, въ который заѣхалъ Василій Андреичъ, былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ деревнѣ. Семья держала пять надѣловъ и принимала еще землю на сторонѣ. Лошадей во дворѣ было шесть, три коровы, два подтелка, штукъ двадцать овецъ. Всѣхъ семейныхъ во дворѣ было 22 души: четыре сына женатыхъ, шестеро внуковъ, изъ которыхъ одинъ Петруха былъ женатый, два правнука, трое сиротъ и четыре снохи съ ребятами. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ домовъ, оставшихся еще недѣлеными; но и въ немъ уже шла глухая внутренняя, какъ всегда начавшаяся между бабъ, работа раздора, которая неминуемо должна была скоро привести къ раздѣлу. Два сына жили въ Москвѣ въ водовозахъ, одинъ былъ въ солдатахъ. Дома теперь были старикъ, старуха, второй сынъ-хозяинъ и старшій сынъ, пріѣхавшій изъ Москвы на праздникъ, и всѣ бабы и дѣти; кромѣ домашнихъ, былъ еще гость сосѣдъ и кумъ.

Надъ столомъ въ избѣ висѣла съ верхнимъ щиткомъ лампа, ярко освѣщавшая подъ собой чайную посуду, бутылку съ водкой, закуску и кирпичныя стѣны, въ красномъ углу увѣшенныя иконами и по обѣ стороны ихъ картинами. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ за столомъ въ одномъ черномъ полушубкѣ Василій Андреичъ, обсасывая свои замерзшіе усы и оглядывая кругомъ народъ и избу своими выпуклыми и ястребиными глазами. Кромѣ Василя Андреича, за столомъ сидѣлъ лысый бѣлобородый старикъ-хозяинъ въ бѣлой домотканной рубахѣ; рядомъ съ нимъ въ тонкой ситцевой рубахѣ, съ здоровенной спиной и плечами — сынъ, пріѣхавшій изъ Москвы на праздникъ, и еще другой сынъ, широкоплечій — старшій братъ, хозяйничавшій въ домѣ, и худощавый рыжій мужикъ — сосѣдъ.

Въ то время, какъ Никита входилъ въ избу, она (хозяйка), наливъ въ толстаго стекла стаканчикъ водки, подносила его гостю.

Мужики, выпивъ и закусивъ, только-что собирались пить чай, и самоваръ уже гудѣлъ, стоя на полу у печки. На полатяхъ и на печкѣ виднѣлись ребята. На нарахъ сидѣла баба надъ люлькою. Старушка-хозяйка съ покрытымъ во всѣхъ направлѣніяхъ мелкими морщинками, морщившими даже ея губы, лицомъ, ухаживала за Василиемъ Андреичемъ.

Въ то время, какъ Никита входилъ въ избу, она, наливъ въ толстаго стекла стаканчикъ водки, подносила его гостю.

— Не обезсудь, Василій Андреичъ, нельзя, поздравить надо, — говорила она. — Выкушай, касатикъ!

Видъ и запахъ водки, особенно теперь, когда онъ перезябъ и уморился, сильно смутили Никиту. Онъ нахмурился, и, отряхнувъ шапку и кафтанъ отъ снѣга, сталъ противъ образовъ и, какъ бы не видя никого, три раза перекрестился и поклонился образамъ, потомъ, обернувшись къ хозяину-старiku, поклонился сперва ему, потомъ всѣмъ бывшимъ за столомъ, потомъ бабамъ, стоявшимъ около печки, и, проговоря: »съ праздникомъ«, сталъ раздѣваться, не глядя на столъ.

— Ну, и заиндивѣлъ же ты, дядя, — сказалъ старшій братъ, глядя на запущенное снѣгомъ лицо, глаза и бороду Никиты.

Никита снялъ кафтанъ, еще отряхнулъ его, повѣсилъ къ печи и подошелъ къ столу. Ему тоже предложили водки. Была минута мучительной борьбы: онъ чуть не взялъ стаканчикъ и не опрокинулъ въ ротъ душистую свѣтлую влагу; но онъ взглянулъ на Василія Андреича, вспомнилъ зарокъ, вспомнилъ пропитые сапоги, вспомнилъ бондаря, вспомнилъ малаго, которому онъ обѣщалъ къ веснѣ купить лошадь, вздохнулъ и отказался.

— Не пью, благодаримъ покорно, — сказалъ онъ, нахмурившись, и присѣлъ ко второму окну на лавку.

— Что же такъ? — сказалъ старшій братъ.

— Не пью, да и не пью, — сказалъ Никита, не поднимая глазъ, косясь на свои жиденькіе усы и бороду и оттаивая съ нихъ сосульки.

— Ему не годится, — сказалъ Василій Андреичъ, закусывая баранкой выпитый стаканчикъ.

— Ну, такъ чайку, сказала ласковая старушка. — Я чай, иззябъ, сердечный. Что вы, бабы, съ самоваромъ копаетесь?

— Готовъ, — отвѣчала молодайка и, обмахнувъ занавѣской уходившій прикрытый самоваръ, съ трудомъ донесла его, подняла и стукнула на столъ.

Между тѣмъ Василій Андреичъ рассказывалъ, какъ они сбились, какъ два раза возвращались въ ту же деревню, какъ плутали, какъ встрѣтили пьяныхъ. Хозяева дивились, объясняли, гдѣ и почему они сбились, и кто были пьяные, которыхъ они встрѣтили, и учили, какъ надо ѣхать.

— Тутъ до Молчановки малый ребенокъ доѣдетъ, только потрафить на поворотъ съ большака, — кустъ тутъ видать. А вы не доѣхали! — говорилъ сосѣдъ.

— А-то ночевали бы. Бабы постеляютъ, — уговаривала старушка.

— Утречкомъ поѣхали бы, разлюбезное дѣло, — подтверждалъ старикъ.

— Нельзя, братъ, дѣла! — сказалъ Василій Андреичъ. — Часъ упустишь, годомъ не наверстаешь, — добавилъ онъ, вспоминая о рощѣ и о купцахъ, которые могли перебить у него эту покупку. — Доѣдемъ вѣдь? — обратился онъ къ Никитѣ.

Никита долго не отвѣчалъ, все какъ будто озабоченный оттаиваніемъ бороды и усовъ.

— Не сбиться бы опять, — сказалъ онъ мрачно.

Никита былъ мраченъ потому, что ему страстно хотѣлось водки, и одно, что могло затушить это желаніе, былъ чай, а чая еще ему не предлагали.

— Да вѣдь только до поворота бы доѣхать, а тамъ ужъ не собьемся, лѣсомъ до самаго мѣста, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Дѣло ваше, Василій Андреичъ; ѣхать — такъ ѣхать, сказалъ Никита, принимая подаваемый ему стаканъ чаю.

— Напьемся чайку, да и маршъ.

Никита ничего не сказалъ, но только покачалъ головой и, осторожно выливъ чай на блюдечко, сталъ грѣть о паръ свои, съ всегда напухшими отъ работы пальцами, руки. Потомъ,

откусивъ крошечный кусочекъ сахара, онъ поклонился хозяевамъ и проговорилъ:

— Будьте здоровы, — и потянулъ въ себя согрѣвающую жидкость.

— Кабы проводилъ кто до поворота, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Что же, это можно, — сказалъ старшій сынъ. — Петруха запряжетъ, да и проводить до поворота.

— Такъ запрягай, братъ! А уже я поблагодарю.

— И, чего ты, касатикъ! — сказала ласковая старушка. — Мы рады душой.

— Петруха, иди, запряги кобылу! — сказалъ старшій братъ.

— Это можно, — сказалъ Петруха, улыбаясь, и тотчасъ же, сорвавъ съ гвоздя шапку, побѣжалъ запрягать.

Пока закладывали лошадь, разговоръ перешелъ на то, на чемъ онъ остановился въ то время, какъ Василій Андреичъ подѣхалъ къ окну. Старикъ жаловался сосѣду старостѣ на третьяго сына, не приславшаго ему ничего къ празднику, а женѣ приславшаго французскій платокъ.

— Отбивается народъ молодой отъ рукъ, — говорилъ старикъ.

— Какъ отбивается-то! — сказалъ кумъ-сосѣдъ, — сладу нѣтъ! Больно умны стали. Вонъ Демочкинъ — такъ отцу руку сломалъ. Все отъ большого ума, видно.

Никита вслушивался, всматривался въ лица и, очевидно, желалъ тоже принять участіе въ разговорѣ, но былъ весь поглощенъ чаемъ и только одобрительно кивалъ головой. Онъ выпивалъ стаканъ за стаканомъ, и ему становилось все теплѣе и теплѣе, и пріятнѣе и пріятнѣе. Разговоръ продолжался долго все объ одномъ и томъ же, о вредѣ раздѣловъ, и разговоръ, очевидно, былъ не отвлеченный, а дѣло шло о раздѣлѣ въ этомъ домѣ, раздѣлѣ, котораго требовалъ второй сынъ, тутъ же сидѣвшій и угрюмо молчавшій. Очевидно, это было болезненное мѣсто, и вопросъ этотъ занималъ всѣхъ домашнихъ, но они изъ приличія при чужихъ не разбирали своего частнаго дѣла. Но, наконецъ, старикъ не выдержалъ и со слезами въ голосѣ заговорилъ о томъ, что дѣлиться онъ не дастъ, пока живъ,

что домъ у него слава Богу, а раздѣлить — всѣ по міру пойдутъ.

— Вотъ какъ Матвѣевы, — сказалъ сосѣдъ. — Былъ домъ настоящій, а раздѣлили — ни у кого ничего нѣтъ.

— Такъ-то и ты хочешь, — обратился старикъ къ сыну.

Сынъ ничего не отвѣчалъ, и наступило неловкое молчаніе. Молчаніе это прервалъ Петруха, уже заложившій лошадь и вернувшійся за нѣсколько минутъ передъ этимъ въ избу и все время улыбавшійся.

— Такъ-то у Пульсона есть басня, — сказалъ онъ: — далъ родитель сыновьямъ вѣникъ сломать. Сразу не сломали, а по прутіку — легко. Такъ и это, сказалъ онъ, улыбаясь во весь ротъ. — Готово! прибавилъ онъ.

— А готово, такъ поѣдемъ, — сказалъ Василій Андреичъ. — А насчетъ дѣлежу ты, дѣдушка, не сдавайся. Ты наживалъ, ты и хозяинъ. Мировому подай. Онъ порядокъ укажетъ.

— Такъ фордыбачить, такъ фордыбачить, — плаксивнымъ голосомъ говорилъ все свое старикъ, — что нѣтъ съ нимъ ладовъ. Какъ осатанѣлъ, ровно!

Никита, между тѣмъ, допивъ пятый стаканъ чаю, все-таки не перевернулъ его, а положилъ бокомъ, надѣясь, что ему нальютъ еще шестой. Но воды въ самоварѣ уже не было, и хозяйка не налила ему еще, да и Василій Андреичъ сталъ одѣваться. Нечего было дѣлать. Никита тоже всталъ, положилъ назадъ въ сахарницу свой обкусанный со всѣхъ сторонъ кусочекъ сахара, обтеръ полою мокрое отъ пота лицо и пошелъ надѣвать халатъ.

Одѣвшись, онъ тяжело вздохнулъ и, поблагодаривъ хозяевъ и простившись съ ними, вышелъ изъ теплой, свѣтлой горницы въ темныя, холодныя, гудѣвшія отъ рвавшагося въ нихъ вѣтра и занесенныя снѣгомъ черезъ щели дрожавшихъ дверей, сѣни и оттуда — на темный дворъ.

Петруха въ шубѣ стоялъ съ своей лошадью по срединѣ двора и говорилъ, улыбаясь, стихи изъ Паульсона. Онъ говорилъ: »Буря съ мглою небо скроить, вихри снѣжные крутятъ, ажъ какъ звѣрь она завоить, ажъ заплачетъ какъ дитѣ«.

Никита одобрительно покачивалъ головой и разбиралъ вожжи.

Старикъ, провожая Василю Андреича, вынесъ фонарь въ сѣни и хотѣлъ посвѣтить ему, но фонарь тотчасъ же задуло. И на дворѣ даже замѣтно было, что метель разыгралась еще сильнѣе.

»Ну, ужъ погодка,—подумалъ Василій Андреичъ,—пожалуй, и не доѣдешь, да нельзя—дѣла! Да и собрался ужъ, и лошадь хозяйская запряжена. Доѣдемъ, Богъ дастъ!«

Хозяинъ-старикъ тоже думалъ, что не слѣдовало ѣхать, но онъ уже уговаривалъ остаться, его не послушали. Больше просить нечего. »Можетъ, я отъ старости такъ робѣю, а они доѣдутъ«, думалъ онъ. »Да и по крайности спать ляжемъ во-время. Безъ хлопотъ«.

Петруха же и не думалъ объ опасности: онъ такъ зналъ дорогу и всю мѣстность, а кромѣ того стишокъ о томъ, какъ »вихри снѣжные крутятъ«, бодрилъ его тѣмъ, что совершенно выражалъ то, что происходило на дворѣ. Никитѣ же вовсе не хотѣлось ѣхать, но онъ уже давно привыкъ не имѣть своей воли и служить другимъ, такъ что никто не удержалъ отъ ѣзжающихъ.

V.

Василій Андреичъ подошелъ къ санямъ, съ трудомъ разбирая въ темнотѣ, гдѣ онѣ, влѣзъ въ нихъ и взялъ вожжи.

— Пошелъ передомъ!—крикнулъ онъ.

Петруха, стоя на колѣнкахъ въ розвальняхъ, пустил свою лошадь. Мухортый, уже давно ржавшій, чуя впереди себя кобылу, рванулъ за нею, и они выѣхали на улицу. Опять поѣхали слободой и той же дорогой, мимо того же двора съ развѣшеннымъ замерзшимъ бѣльемъ, котораго теперь уже не видно было, мимо того же сарая, который уже былъ занесенъ почти до крыши и съ котораго сыпался безконечный снѣгъ, мимо тѣхъ же мрачно шумящихъ, свистящихъ и гнущихся лозинъ и опять въѣхали въ то снѣжное, сверху и снизу бушевавшее, море. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что когда онъ былъ въ бокъ и сѣдоки парусили противъ него, то онъ накренивалъ

на бокъ санки и сбивалъ лошадь въ сторону. Петруха ѣхалъ развалистой рысцой своей доброй кобылы впереди и бодро покрикивалъ. Мухортый рвался за нею.

Проѣхавъ такъ минутъ десять, Петруха обернулся и что-то прокричалъ. Ни Василій Андреичъ, ни Никита не слышали отъ вѣтра, но догадались, что они пріѣхали къ повороту. Дѣйствительно, Петруха поворотилъ направо, и вѣтеръ, бывший въ бокъ, опять сталъ на встрѣчу, и справа, сквозь снѣгъ, завиднѣлось что-то черное. Это былъ кустикъ на поворотѣ.

— Ну, съ Богомъ!

— Спасибо, Петруха!

— Буря небо мглою скроить,—прокричалъ Петруха и скрылся.

— Вишь, стихотворецъ какой,—проговорилъ Василій Андреичъ и тронулъ вожжами.

— Да, молодецъ хорошій, мужикъ настоящій, — сказалъ Никита.

Поѣхали дальше.

Никита, укутавшись и вжавъ голову въ плечи, такъ что небольшая борода его облежала ему шею, сидѣлъ молча, стараясь не потерять набранное въ избѣ за чаемъ тепло. Передъ собою онъ видѣлъ прямыя линіи оглобель, безпрестанно обманывавшія его и казавшіяся ему накатанной дорогой, колеблющейся задъ лошади съ заворачиваемымъ въ одну сторону подвязаннымъ узломъ хвостомъ и дальше, впереди, высокую дугу и качавшуюся голову и шею лошади съ развѣвающейся гривой. Изрѣдка ему попадались въ глаза вѣшки, такъ что онъ зналъ, что ѣхали пока по дорогѣ, и ему дѣлать было нечего.

Василій Андреичъ правилъ, предоставляя лошади самой держаться дороги. Но Мухортый, несмотря на то, что вздохнулъ въ деревнѣ, бѣжалъ неохотно и какъ будто сворачивалъ съ дороги, такъ что Василій Андреичъ нѣсколько разъ поправлялъ его.

»Вотъ справа одна вѣшка, вотъ другая, вотъ и третья, — считалъ Василій Андреичъ, — а вотъ впереди и лѣсъ«, подумалъ онъ, вглядываясь во что-то, чернѣющее впереди его. Но то, что показалось ему лѣсомъ, былъ только кустъ. Кустъ проѣхали,

проѣхали еще сажень 20,—четвертой вѣшки не было и лѣса не было. »Долженъ сейчасъ быть лѣсъ«,—думалъ Василій Андреичъ и, возбужденный виномъ и чаемъ, не останавливаясь, потрогивалъ вожжами, и покорное, доброе животное слушалось и то иноходью, то небольшою рысцой бѣжало туда, куда его посылали, хотя и знало, что его посылаютъ совсѣмъ не туда, куда надо. Прошло минутъ десять, лѣса все не было.

— А вѣдь мы опять сбились! — сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

Никита молча вылѣзъ изъ саней и, придерживая свой халатъ, то липнувшій къ нему по вѣтру, то отворачивающійся и слѣзающій съ него, пошелъ лазить по снѣгу; пошелъ въ одну сторону, пошелъ въ другую. Раза три онъ скрывался совсѣмъ изъ вида. Наконецъ, онъ вернулся и взялъ вожжи изъ рукъ Василя Андреича.

— Вправо ѣхать надо,—сказалъ онъ строго и рѣшительно, поворачивая лошадь.

— Ну, вправо, такъ вправо пошелъ,—сказалъ Василій Андреичъ, отдавая вожжи и засовывая озябшія руки въ рукава.

Никита не отвѣчалъ.

— Ну, дружокъ, потрудись!—крикнулъ онъ на лошадь; но лошадь, несмотря на потряхиваніе вожжей, шла только шагомъ.

Снѣгъ былъ кое-гдѣ по колѣно, и сани подергивались рывомъ съ каждымъ движеніемъ лошади.

Никита досталъ кнутъ, висѣвшій на передкѣ, стегнулъ. Добрая, непривычная къ кнуту, лошадь рванулась, пошла рысью, но тотчасъ же опять перешла на иноходь и шагъ. Такъ проѣхали минутъ пять. Было такъ темно и такъ курило сверху и снизу, что дуги иногда не было видно. Сани, казалось, иногда стояли на мѣстѣ, и поле бѣжало назадъ. Вдругъ лошадь круто остановилась, очевидно чуя что-то неладное передъ собой. Никита опять легко выскочилъ, бросая вожжи, и пошелъ впередъ лошади, чтобы посмотрѣть, чего она остановилась; но только что онъ хотѣлъ ступить шагъ передъ лошадью, какъ ноги его поскользнулись, и онъ покатился подъ какую-то кручь.

— Тпру, тпру, тпру,—говорилъ онъ себѣ, падая и стараясь

остановиться, но не могъ удержаться и остановился, только врѣзавшись ногами въ нанесенный внизу оврага толстый слой снѣга.

Нависшій съ края кручи сугробъ, растревоженный паденіемъ Никиты, насыпался на него и засыпалъ ему снѣгу за шиворотъ...

— Эко ты какъ! — укоризненно проговорилъ Никита, обращаясь къ сугробу и оврагу и вытряхивая снѣгъ изъ-за воротника.

— Никитъ, а Никитъ! — кричалъ Василій Андреичъ сверху. Но Никита не откликался.

Ему некогда было: онъ отряхался, потомъ отыскивалъ кнутъ, который выронилъ, когда скатился подъ кручу. Найдя кнутъ, онъ полѣзъ было прямо назадъ, гдѣ скатился, но влѣзть не было возможности; онъ скатывался назадъ, такъ что долженъ былъ низомъ пойти искать выхода кверху. Сажени на три отъ того мѣста, гдѣ онъ скатился, онъ съ трудомъ вылѣзъ на четверенькахъ на гору и пошелъ по краю оврага къ тому мѣсту, гдѣ должна была быть лошадь. Лошади и саней онъ не видалъ; но такъ какъ онъ шелъ на вѣтеръ, онъ прежде, чѣмъ увидалъ ихъ, услышалъ крики Василія Андреича и ржанье Мухортаго, звавшихъ его.

— Иду, иду, чего гогочешь! — проговорилъ онъ.

Только совсѣмъ уже дойдя до саней, онъ увидалъ лошадь и стоявшаго возлѣ нихъ Василія Андреича, казавшагося огромнымъ.

— Куда къ дьяволу запропастился? Назадъ ѣхать надо. Хоть въ Гришкино вернемся, — сердито сталъ выговаривать Никитѣ хозяинъ.

— И радъ бы вернуться, Василій Андреичъ, да куда ѣхать-то? Тутъ овражище такой, что попади туда — и не выберешься. Я туда засвѣтилъ такъ, что насилу выдрался.

— Что же, не стоять же тутъ? Куда нибудь надо же ѣхать, — сказалъ Василій Андреичъ.

Никита ничего не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ на сани задомъ къ вѣтру, разулся и вытряхнулъ снѣгъ, набившійся ему въ сапоги, и, доставъ соломки, старательно заткнулъ ею изнутри дыру въ лѣвомъ сапогѣ.

Василій Андреичъ молчалъ, какъ бы предоставивъ теперь уже все Никитѣ. Переобувшись, Никита убралъ ноги въ сани, надѣлъ опять рукавицы, взялъ вожжи и повернулъ лошадь вдоль оврага. Но не проѣхали они и ста шаговъ, какъ лошадь опять уперлась. Передъ ней опять былъ оврагъ.

Никита опять вылезъ и опять пошелъ лазить по снѣгу. Довольно долго онъ ходилъ. Наконецъ, появился съ противоположной стороны, съ которой онъ пошелъ.

— Андреичъ, живъ? — крикнулъ онъ.

— Здѣсь! — откликнулся Василій Андреичъ. — Ну, что?

— Да не разберешь никакъ. Темно. Овраги какіе-то. Надо опять на вѣтеръ ѣхать.

Опять поѣхали, опять ходилъ Никита, лазая по снѣгу. Опять сажился, опять лазилъ и, наконецъ, запыхавшись, остановился у саней.

— Ну, что? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Да что, вымотался я весь! Да и лошадь становится.

— Такъ что же дѣлать?

— Да вотъ, стой.

Никита опять ушелъ и скоро вернулся.

— Держи за мной, — сказалъ онъ, заходя передъ лошадью.

Василій Андреичъ уже не приказывалъ ничего, а покорно дѣлалъ то, что говорилъ ему Никита.

— Сюда, за мной! — закричалъ Никита, отходя быстро вправо и хватая за вожжу Мухортаго, и направляя его куда-то книзу, въ сугробъ.

Лошадь сначала уперлась, но потомъ рванулась, надѣясь проскочить сугробъ, но не осилила и сѣла въ него по хомутъ.

— Вылезай! — закричалъ Никита на Василія Андреича, продолжавшаго сидѣть въ саняхъ, и, подхвативъ подъ одну оглоблю, сталъ надвигать сани на лошадь. — Трудненько, братъ, — обратился онъ къ Мухортому, — да что же дѣлать, понатужься! Но, но, немного! — крикнулъ онъ.

Лошадь рванулась разъ, другой, но все-таки не выбралась и опять сѣла, какъ будто что-то обдумывала.

— Что же, братъ, такъ неладно! — усовѣщивалъ Никита Мухортаго. — Ну, еще!

Опять Никита потащилъ за оглоблю съ своей стороны; Василій Андреичъ дѣлалъ то же съ другой. Лошадь пошевелила головой, потомъ вдругъ рванулась.

— Ну! но! не потонешь, небось! — кричалъ Никита.

Прыжокъ, другой, третій, и, наконецъ, лошадь выбралась изъ сугроба и остановилась, тяжело дыша и отряхиваясь. Никита хотѣлъ вести дальше, но Василій Андреичъ такъ запыхался въ своихъ двухъ шубахъ, что не могъ идти и повалился въ сани.

— Дай вздохнуть, — сказалъ онъ, распуская платокъ, которымъ онъ повязалъ въ деревнѣ воротникъ шубы.

— Тутъ ничего, ты лежи, — сказалъ Никита, — я проведу, — и съ Васи́лемъ Андреичемъ въ саняхъ провелъ лошадь подъ уздцы внизъ шаговъ десять и потомъ немного вверхъ и остановился.

Мѣсто, на которомъ остановился Никита, было не въ ложинѣ, гдѣ бы снѣгъ, сметаемый съ бугровъ и оставаясь, могъ совсѣмъ засыпать ихъ, но оно все-таки отчасти было защищено краемъ оврага отъ вѣтра. Были минуты, когда вѣтеръ какъ будто немного стихалъ, но это продолжалось недолго, и какъ будто для того, чтобы наверстать этотъ отдыхъ, буря налетала послѣ этого съ удесятеренной силой, еще злѣе рвала и крутила. Такой порывъ вѣтра ударилъ въ ту минуту, какъ Василій Андреичъ, отдышавшись, вылезъ изъ саней и подошелъ къ Никитѣ, чтобы поговорить о томъ — что дѣлать. Оба невольно пригнулись и подождали говорить, пока пройдетъ ярость порыва. Мухортый тоже недовольно прижималъ уши и трясъ головой. Какъ только немного прошелъ порывъ вѣтра, Никита, снявъ рукавицы и заткнувъ ихъ за кушакъ, подышавъ въ руки, сталъ отвязывать отъ дуги поводокъ.

— Ты что-жъ это дѣлаешь? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Отпрягаю, что-жъ еще дѣлать? Мочи моей нѣтъ, — какъ бы извиняясь, отвѣчалъ Никита.

— А развѣ не выѣдемъ куда?

— Не выѣдемъ, только лошадь замучаемъ. Вѣдь онъ, сердечный, не въ себѣ сталъ, — сказалъ Никита, указывая на по-

корно стоящую, на все готовую и тяжело носившую крутыми и мокрыми боками лошадь. — Ночевать надо, — повторилъ онъ, точно какъ будто собирался ночевать на постояломъ дворѣ, и сталъ развязывать супонь.

Клещи разскочились.

— А не замерзнемъ мы? — сказалъ Василій Андреичъ.

— Что же? И замерзнешь — не откажешься, — сказалъ Никита.

VI.

Василію Андреичу въ своихъ двухъ шубахъ было совсѣмъ тепло, особенно послѣ того, какъ онъ повозился въ сугробѣ; но морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ, когда онъ понялъ, что, дѣйствительно, надо ночевать здѣсь. Чтобы успокоиться, онъ сѣлъ въ сани и сталъ доставать папиросы и спички.

Никита между тѣмъ распрягалъ лошадь. Онъ развязалъ подбрюшникъ, чрезсѣдельникъ, развожжалъ, снялъ гужъ, вывернулъ дугу и, не переставая разговаривать съ лошадью, ободрялъ ее.

— Ну, выходи, выходи, — говорилъ онъ, выводя ее изъ оглобель. — Да вотъ привяжемъ тебя тутъ. Соломки подложу да разнуздаю, — говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ. — Закусишь, тебѣ все веселѣе будетъ.

Но Мухортый, очевидно, не успокоивался рѣчами Никиты и былъ тревоженъ; онъ переступалъ съ ноги на ногу, жался къ санямъ, становясь задомъ къ вѣтру, и терся головой о рукавъ Никиты.

Какъ будто только для того, чтобы не отказать Никитѣ въ его угощеніи соломой, которую Никита подсунулъ ему подъ храпъ, Мухортый разъ порывисто схватилъ пукъ соломы изъ саней, но тотчасъ же рѣшилъ, что теперь дѣло не до соломы, бросилъ ее, и вѣтеръ мгновенно растрепалъ солому, унесъ ее и засыпалъ снѣгомъ.

— Теперь примѣту сдѣлаемъ, — сказалъ Никита, повернувъ сани лицомъ къ вѣтру, и, связавъ оглобли чрезсѣдельникомъ, онъ поднялъ ихъ вверхъ и притянулъ къ передку. — Вотъ,

...повернувъ сани лицомъ къ вѣтру, и, связавъ оглобли чрезсѣдельникомъ, онъ поднялъ ихъ вверхъ и притянулъ къ передку.

какъ занесетъ насъ, добрые люди по оглоблямъ увидятъ, откопаютъ,—сказалъ Никита, похлопывая рукавицами и надѣвая ихъ. — Такъ-то старики учили.

Василій Андреичъ между тѣмъ, распустивъ шубу и закрываясь полами ея, теръ одну сѣрную спичку за другой о стальную коробку, но руки у него дрожали, и загоравшіяся спички одна за другою, то еще не разгорѣвшись, то въ ту самую минуту, какъ онъ подносилъ ее къ папиросѣ, задувались вѣтромъ. Наконецъ, одна спичка вся загорѣлась и освѣтила на мгновенье мѣхъ его шубы, его руку съ золотымъ перстнемъ на загнутомъ внутрь указательномъ пальцѣ и засыпанную снѣгомъ выбившуюся изъ-подъ веретя овсяную солому, и папироса загорѣлась. Раза два онъ жадно потянулъ, проглотилъ, выпустилъ сквозь усы дымъ, хотѣлъ еще затянуться, но табакъ съ огнемъ сорвало и унесло туда же, куда и солому.

Но и эти нѣсколько глотковъ табачнаго дыма развеселили Василю Андреича.

— Ночевать, такъ ночевать! — сказалъ онъ рѣшительно.

— погоди же ты, я еще флагъ сдѣлаю,—сказалъ онъ, поднимая платокъ, который онъ, снявъ съ воротника, бросилъ было въ сани, и, снявъ перчатки, сталъ въ передкѣ саней и, вытягиваясь, чтобъ достать до чрезсѣдельника, тугимъ узломъ привязалъ къ нему платокъ подлѣ оглобли.

Платокъ тотчасъ же отчаянно затрепался, то прилипая къ оглоблѣ, то вдругъ отдуваясь, натягиваясь и щелкая.

— Вишь какъ ловко!—сказалъ Василій Андреичъ, любуясь на свою работу, опускаясь въ сани. — Теплѣ бы вмѣстѣ, да вдвоемъ не усядемся, — сказалъ онъ.

— Я мѣсто найду, — отвѣчалъ Никита, — только лошадей укрыть надо, а то взопрѣлъ сердечный. Пусти-ка, — прибавилъ онъ и, подойдя къ санямъ, потянулъ изъ-подъ Василю Андреича веретье.

И, доставъ веретье, онъ сложилъ его вдвое и, скинувъ прежде шлею и снявъ сѣделку, покрылъ имъ Мухортаго.

— Все теплѣ тебѣ будетъ, дурачокъ,—говорилъ онъ, надѣвая опять на лошадей сверхъ веретья сѣделку и шлею.—А не

нужна вамъ дерюжка будетъ? Да соломки мнѣ дайте, — сказалъ Никита, окончивъ это дѣло и опять подойдя къ санямъ.

И, забравъ и то, и другое изъ-подъ Василя Андреича, Никита зашелъ за спинку саней, выкопалъ себѣ тамъ, въ снѣгу, ямку, положилъ въ нее соломы и, нахлобучивъ шапку и закутавшись кафтаномъ, и сверху покрывшись дерюжкой, сѣлъ на посланную солому, прислонясь къ лубочному задку саней, защищавшему его отъ вѣтра и снѣга.

Василій Андреичъ неодобрительно покачалъ головой на то, что дѣлалъ Никита, какъ онъ вообще не одобрялъ необразованность и глупость мужицкую, и сталъ устраиваться на ночь.

Онъ разровнялъ оставшуюся солому по санкамъ, подложилъ погуще себѣ подъ бокъ и, засунувъ руки въ рукава, приладился головой въ уголъ саней, къ передку, защищавшему его отъ вѣтра.

Спать ему не хотѣлось. Онъ лежалъ и думалъ: думалъ все о томъ же одномъ, что составляло единственную цѣль, смыслъ, радость и гордость его жизни: о томъ, сколько онъ нажилъ и сколько можетъ еще нажить денегъ; сколько другіе, ему извѣстные люди, нажили и имѣютъ денегъ, и какъ эти другіе наживали и наживаютъ деньги, и какъ онъ такъ же, какъ и они, можетъ нажить еще очень много денегъ. Покупка Горячкинскаго лѣса составляла для него дѣло огромной важности. Онъ надѣялся на этомъ лѣсѣ поживиться сразу, можетъ быть, десяткомъ тысячъ. И онъ сталъ въ мысляхъ расцѣнивать видѣнную имъ осенью рощу, въ которой онъ на двухъ десятинахъ пересчиталъ всѣ деревья.

»Дубъ на полозя поидеть. Срубы сами собой. Да дворъ сажень 30 все станетъ на десятинѣ«, говорилъ онъ себѣ. »Съ десятины на худой конецъ по 200 съ четвертной останется. 56 десятинъ, 56 сотень, да 56 сотень, да 56 десятковъ, да еще 56 десятковъ, да 56 пятковъ«. Онъ видѣлъ, что выходило за 12 тысячъ, но безъ счетовъ не могъ смекнуть ровно сколько. »Десяти тысячъ все-таки не дамъ, а тысячъ восемь, да чтобъ за вычетомъ полянъ. Землемѣра помажу, сотню, а то полторы; онъ мнѣ десятинъ пять полянъ намѣряетъ. И за восемь от-

дасть. Сейчас 3000 въ зубы. Небось размякнетъ», думалъ онъ, ощупывая предплечіемъ руки бумажникъ въ карманѣ. »И какъ сбились съ поворота, Богъ его знаетъ! Долженъ бы тутъ быть лѣсъ и сторожка. Собакъ бы слышно. Такъ не лаютъ, проклятыя, когда ихъ нужно«. Онъ отстранилъ воротникъ отъ уха и сталъ прислушиваться; слышенъ былъ все тотъ же свистъ вѣтра, въ оглобляхъ трепанье и щелканье платка и стеганье по лубку саней падающаго снѣга. Онъ закрылся опять. »Кабы знать, ночевать бы остаться. Ну, да все одно, дождемъ и завтра. Только день лишній. Въ такую погоду и тѣ не поѣдутъ«. И онъ вспомнилъ, что къ 9-му надо получить за валуховъ съ мясника деньги. »Хотѣлъ самъ пріѣхать; не застанетъ меня—жена не съумѣетъ деньги взять. Очень ужъ необразована. Обхожденія настоящаго не знаетъ«, продолжалъ онъ думать, вспоминая, какъ она не умѣла обойтись со становымъ, бывшимъ вчера на праздникѣ у него въ гостяхъ. »Извѣстно—женщина! Гдѣ она что видала? При родителяхъ какой нашъ домъ былъ? Такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый: рушка да постоянный дворъ—и все имущество въ томъ. А я что въ 15 лѣтъ сдѣлалъ? Лавка, два кабака, мельница, ссыпка, два имѣнья въ арендѣ, домъ съ амбаромъ подъ желѣзной крышей«, вспоминалъ онъ съ гордостью. »Не то, что при родителѣ! Нынче кто въ округѣ гремитъ? Брехуновъ«.

»А почему такъ? Потому—дѣло помню, стараюсь, не такъ какъ другіе—лежни али глупостями занимаются. А я ночи не сплю. Метель не метель—ѣду. Ну, и дѣло дѣлается. Они думаютъ, такъ, шутя денежки наживаютъ. Нѣтъ, ты потрудишься, да голову поломай. Вотъ такъ-то заночуй въ полѣ, да ночи не спи. Какъ подушка отъ думы въ головахъ ворочается«, размышлялъ онъ съ гордостью. »Думаютъ, что въ люди выходятъ по счастью. Вонъ, Мироновы въ милліонахъ теперь. А почему? Трудись. Богъ и дастъ. Только бы далъ Богъ здоровья«.

И мысль о томъ, что и онъ можетъ быть такимъ же милліонщикомъ, какъ Мироновъ, который взялся съ ничего, такъ взволновала Василія Андреича, что онъ почувствовалъ потребность говорить съ кѣмънибудь. Но говорить не съ кѣмъ

было... Кабы доѣхать до Горячкина, онъ бы поговорилъ съ помѣщикомъ, вставилъ бы ему очки.

»Ишь ты, дуетъ какъ! Занесетъ такъ, что и не выберемся утромъ!« подумалъ онъ, прислушиваясь къ порыву вѣтра, который дулъ въ передокъ, нагибая его, и сѣкъ его лубокъ снѣгомъ. Онъ приподнялся и оглянулся: въ бѣлой колеблющейся темнотѣ видна была только чернѣющая голова Мухортаго и его спина, покрытая развѣвающимся веретѣмъ, и густой завязанный хвостъ; кругомъ же со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади, была вездѣ одна и та же однообразная, бѣлая колеблющаяся тьма, иногда какъ будто чуть-чуть просвѣтляющаяся, иногда еще больше сгущающаяся.

»И напрасно послушался я Никиту«, думалъ онъ. »Ѣхать бы надо, все бы выѣхали куда нибудь. Хоть назадъ бы доѣхали въ Гришкино, ночевали бы у Тараса. А то вотъ сиди ночь цѣлую. Да что, бишь, хорошаго было? Да, что, за труды Богъ даетъ, а не лодырямъ, лежебокамъ али дуракамъ. Да и покурить надо!« Онъ сѣлъ, досталъ папиросницу, легъ брюхомъ внизъ, закрывая полонъ отъ вѣтра огонь, но вѣтеръ находилъ ходъ и тушилъ спички одну за другой. Наконецъ, онъ ухитрился зажечь одну и закурилъ. То, что онъ добился своего, очень обрадовало его. Хотя папироску выкурилъ больше вѣтеръ, чѣмъ онъ, онъ все-таки затянулся раза три и ему опять стало веселѣй. Онъ опять привалился къ задку, укутался и опять началъ вспоминать, мечтать и совершенно неожиданно вдругъ потерялъ сознание и задремалъ.

Но вдругъ точно что-то толкнуло и разбудило его. Мухортый ли это дернулъ изъ-подъ него солому, или это внутри его что-то всколыхнуло его — только онъ проснулся, и сердце у него стало стучать такъ быстро и такъ сильно, что ему показалось, что сани трясутся подъ нимъ. Онъ открылъ глаза. Вокругъ него было все то же, но только казалось свѣтлѣе. »Свѣтаетъ«, подумалъ онъ, »должно и до утра недолго«. Но тотчасъ же онъ вспомнилъ, что свѣтлѣе стало только отъ того, что мѣсяцъ взошелъ. Онъ приподнялся, оглядѣлъ сначала лошадь. Мухортый стоялъ все задомъ къ вѣтру и весь трясся.

Засыпанное снѣгомъ веретѣе заворотилось одной стороной, шлея съѣхала на бокъ, и засыпанная снѣгомъ голова съ развѣвающимися челкой и гривой были теперь виднѣе. Василій Андреичъ перегнулся къ задку и заглянулъ за него. Никита сидѣлъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ сѣлъ. Дерюжка, которою онъ прикрывался, и ноги его были густо засыпаны снѣгомъ. »Не замерзъ бы мужикъ; плоха одежонка на немъ. Еще отвѣтишь за него. То-то народъ безтолковый! Истинно необразованность«, подумалъ Василій Андреичъ и хотѣлъ было снять съ лошади веретѣе и накрыть Никиту, но холодно было вставать и ворочаться, и лошадь, боялся, какъ бы не застыла. »И на что я его взялъ? Все ея глупость одна!« подумалъ Василій Андреичъ, вспоминая немилую жену, и опять перевалился на свое прежнее мѣсто, къ передку саней. »Такъ-то дядюшка разъ всю ночь въ снѣгу просидѣлъ«, вспомнилъ онъ, »и ничего. Ну, а Севастьяна-то откопали«; тутъ же представился ему другой случай, »такъ тотъ померъ, зачоченѣлъ весь какъ туша мороженная«.

»Остался бы въ Гришкиномъ ночевать, ничего бы не было.« И, старательно запахнувшись, такъ, чтобы тепло мѣха нигдѣ не пропадало даромъ, а вездѣ—и въ шеѣ, и въ колѣняхъ, и въ ступняхъ—грѣло его, онъ закрылъ глаза, стараясь опять заснуть. Но сколько онъ ни старался теперь, онъ не могъ уже забыться, а напротивъ, чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и оживленнымъ. Опять онъ началъ считать барыши, долги за людьми, опять сталъ хвастаться самъ передъ собою и радоваться на себя и на свое положеніе, — но все теперь постоянно прерывалось подкрадывающимся страхомъ и досадной мыслью о томъ—зачѣмъ онъ не остался ночевать въ Гришкиномъ. »То ли дѣло: лежалъ бы на лавкѣ, тепло«. Онъ нѣсколько разъ переворачивался, укладывался, стараясь найти болѣе ловкое и защищенное отъ вѣтра положеніе, но все ему казалось неловко; онъ опять приподнимался, перемѣнялъ положеніе, укутывалъ ноги, закрывалъ глаза и затихалъ. Но или скрюченные ноги въ крѣпкихъ валеныхъ сапогахъ начинали ныть, или продувало гдѣ нибудь, и онъ, полежавъ недолго,

опять съ досадой на себя вспоминалъ о томъ, какъ бы онъ теперь могъ спокойно лежать въ теплой избѣ въ Гришкиномъ, и опять поднимался, ворочался, кутался и опять укладывался.

Разъ Василию Андреичу почудилось, что онъ слышитъ дальній крикъ пѣтуховъ. Онъ обрадовался, отворотилъ шубу и сталъ напряженно слушать; но сколько онъ ни напрягалъ слухъ, ничего не слышно было, кромѣ звука вѣтра, свиставшаго въ оглобляхъ и трепавшаго платокъ, и снѣга, стегавшаго объ лубокъ саней.

Никита какъ сѣлъ съ вечера, такъ и сидѣлъ все время, не шевелясь и даже не отвѣчая на обращенія Василия Андреича, который раза два окликалъ его. »Ему и горюшка мало, спитъ, должно«, съ досадой думалъ Василий Андреичъ, заглядывая черезъ задокъ саней на густо засыпаннаго снѣгомъ Никиту.

Василий Андреичъ вставалъ и ложился разъ двадцать. Ему казалось, что конца не будетъ этой ночи. »Теперь уже, должно быть, близко къ утру«, подумалъ онъ разъ, поднимаясь и оглядываясь. »Дай посмотрю на часы. Озябнешь раскрываться. Ну, да коли узнаю, что къ утру дѣло, все веселѣе будетъ. Запрягать станемъ«. Василий Андреичъ въ глубинѣ души зналъ, что не можетъ быть еще утро, но онъ все сильнѣе и сильнѣе начиналъ робѣть и хотѣлъ въ одно и то же время и провѣрить и обмануть себя. Онъ осторожно распустилъ крючки полушубка и, засунувъ руку за пазуху, долго копался, пока досталъ до жилетки. Насилу-насилу вытащилъ онъ свои серебрянные съ эмалевыми цвѣтками часы и сталъ смотрѣть. Безъ огня ничего не видно было. Онъ опять легъ ничкомъ на локти и на колѣнки, такъ же, какъ когда закуривалъ, досталъ спички и сталъ зажигать. Теперь онъ аккуратнѣе взялся за дѣло, и, ощупавъ пальцами спичку съ самымъ большимъ количествомъ фосфора, онъ съ перваго раза зажегъ ее. Подсунувъ циферблатъ подъ свѣтъ, онъ взглянулъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ... Было всего десять минутъ перваго. Еще вся ночь была впереди.

»Охъ, длинна ночь!« подумалъ Василий Андреичъ, чувствуя,

какъ морозъ пробѣжалъ ему по спинѣ, и, застегнувшись опять и укрывшись, онъ прижался къ углу саней, собираясь терпѣливо ждать. Вдругъ изъ-за однообразнаго шума вѣтра онъ явственно услышалъ какой-то новый живой звукъ. Звукъ равномерно усиливался и, дойдя до совершенной явственности, такъ же равномерно сталъ ослабѣвать. Не было никакого сомнѣнія, что это былъ волкъ. И волкъ этотъ былъ такъ недалеко, что по вѣтру ясно было слышно, какъ онъ, ворочая челюстями, измѣнялъ звуки своего голоса. Василій Андреичъ откинулъ воротникъ и внимательно слушалъ. Мухортый также напряженно слушалъ, поводя ушами, и, когда волкъ кончилъ свое колѣно, переставилъ ноги и предостерегающе фыркнулъ. Послѣ этого Василій Андреичъ ужъ никакъ не могъ не только заснуть, но и успокоиться. Сколько онъ ни старался думать о своихъ расчетахъ, дѣлахъ и о своей славѣ, о своемъ достоинствѣ и богатствѣ, страхъ все больше и больше завладалъ имъ, и надъ всѣми мыслями преобладала и ко всѣмъ мыслямъ примѣшивалась мысль о томъ, зачѣмъ онъ не остался ночевать въ Гришкинѣ.

»Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ, безъ него дѣла слава Богу. Эхъ, ночевать бы!« говорилъ онъ себѣ. »Говорятъ, пьяные-то замерзаютъ«, подумалъ онъ. »А я выпилъ«. И, прислушиваясь къ своему ощущенію, онъ чувствовалъ, что начиналъ дрожать, самъ не зная, отчего онъ дрожитъ — отъ холода или отъ страха. Онъ пробовалъ закрыться и лежать какъ прежде, но уже не могъ этого сдѣлать. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, ему хотѣлось встать, предпринять что нибудь съ тѣмъ, чтобы заглушить поднимающійся въ немъ страхъ, противъ котораго онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Онъ опять досталъ папироски и спички, но спичекъ уже оставалось только три и всѣ худшія. Всѣ три ошмурыгались не загорѣвшись.

»А, чортъ тебя дери, проклятая, провались ты!« обругалъ онъ самъ не зная кого и швырнулъ смятую папироску. Хотѣлъ швырнуть и спичечницу, но остановилъ движеніе руки и сунулъ ее въ карманъ. На него нашло такое безпокойство, что онъ не могъ больше оставаться на мѣстѣ. Онъ вылѣзъ

изъ саней и, ставъ задомъ къ вѣтру, началъ туго и низко вновь перепоясываться.

»Что лежать-то, смерти дожидаться! Сѣсть верхомъ — да и маршъ«, вдругъ пришло ему въ голову. »Верхомъ лошадь не станетъ. Ему«, подумалъ онъ на Никиту, »все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ пожить...«

И онъ, отвязавъ лошадь, перекинулъ ей поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но шубы и сапоги были такъ тяжелы, что онъ сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ саней сѣсть. Но сани покачнулись подъ его тяжестью, и онъ опять оборвался. Наконецъ, въ третій разъ онъ подвинулъ лошадь къ санямъ и, осторожно ставъ на край ихъ, добился-таки того, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ, два и, наконецъ, перекинулъ ногу черезъ спину лошади и усѣлся, упираясь ступнями ногъ на долевой ремень шлеи. Толчокъ пошатнувшихся саней разбудилъ Никиту, и онъ приподнялся, и Василию Андреичу показалось, что онъ говоритъ что-то.

— Слушай васъ, дураковъ! Что-жъ, пропадать такъ, ни за что?—крикнулъ Василій Андреичъ и, подправляя подъ колѣни развѣвajícíя полы шубы, повернулъ лошадь и погналъ ее прочь отъ саней, по тому направленію, въ которомъ онъ предполагалъ, что долженъ быть лѣсъ и сторожка.

Не было никакого сомнѣнія, что это былъ волкъ. И волкъ этотъ былъ такъ недалеко, что по вѣтру ясно было слышно, какъ онъ, ворочая челюстями, измѣнялъ звуки своего голоса.

VII.

Никита, съ тѣхъ поръ какъ сѣлъ, покрывшись дерюжкой, за задкомъ саней, сидѣлъ неподвижно. Онъ, какъ и всѣ люди, живущіе съ природой и знающіе нужду, былъ терпѣливъ и могъ спокойно ждать часы, дни, даже не испытывая ни безпокойства, ни раздраженія. Онъ слышалъ, какъ хозяинъ звалъ его, но не откликался, потому что не хотѣлъ шевелиться и откликаться. Хотя ему еще было тепло отъ выпитаго чая и отъ того, что онъ много двигался, лазая по сугробамъ, онъ зналъ, что тепла этого хватить не надолго, а что согрѣваться движеніемъ онъ уже будетъ не въ силахъ, потому что чувствовалъ себя такъ же усталымъ, какъ чувствуетъ себя лошадь, когда она становится, не можетъ, несмотря ни на какой кнутъ, идти дальше, и хозяинъ видитъ, что надо кормить, чтобы она вновь могла работать. Одна нога его въ прорванномъ сапогѣ остыла, и онъ уже не чуялъ на ней большого пальца. И кромѣ того всему тѣлу его становилось все холоднѣе и холоднѣе. Мысль о томъ, что онъ можетъ и даже по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ умереть въ эту ночь, пришла ему, но мысль эта показалась ему ни особенно непріятной, ни особенно страшной. Не особенно непріятна показалась ему эта мысль потому, что вся его жизнь не была постояннымъ праздникомъ, а, напротивъ, была непрерывающей службой, отъ которой онъ начиналъ уставать. Не особенно же страшна была эта мысль потому, что кромѣ тѣхъ хозяевъ, какъ Василій Андреичъ, которымъ онъ служилъ здѣсь, онъ чувствовалъ себя всегда въ этой жизни въ зависимости отъ главнаго Хозяина, Того, который послалъ его въ эту жизнь, и зналъ, что и умирая онъ останется во власти этого же Хозяина, а что Хозяинъ этотъ не обидитъ. »Жаль бросать обжитое, привычное! Ну, да что-жъ дѣлать и къ новому привыкать надо«.

»Грѣхи?« подумалъ онъ и вспомнилъ свое пьянство, пропитыя деньги, обиды женѣ, ругательства, нехожденіе въ церковь, несоблюденіе постовъ и все то, за что выговаривалъ ему

поцъ на исповѣди. »Извѣстно—грѣхи. Да что же, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Такимъ, видно, меня Богъ сдѣлалъ. Ну, и грѣхи! Кудь же дѣнешься?»

Такъ онъ подумалъ сначала о томъ, что можетъ случиться съ нимъ въ эту ночь, и потомъ уже не возвращался къ этимъ мыслямъ и отдался тѣмъ воспоминаніямъ, которыя сами собой приходили ему въ голову. То онъ вспоминалъ пріѣздъ Марѣы и пьянство рабочихъ, и свои отказы отъ вина, то теперешнюю поѣздку, и Тарасову избу, и разговоры о дѣлежахъ, то о своемъ маломъ и о Мухортомъ, который угрѣется теперь подъ попоной, то о хозяинѣ, который скрипитъ теперь санями, ворочаясь въ нихъ. »Тоже, я чай, сердечный самъ не радъ, что поѣхалъ«, думалъ онъ. »Отъ такого житья помирать не хочется. Не то, что нашъ братъ«. И всѣ эти воспоминанія стали переплетаться, мѣшаться въ его головѣ, и онъ заснулъ.

Когда же Василій Андреичъ, садясь на лошадь, покачнулъ сани, и задокъ, на который Никита упирался спиной, совсѣмъ отдернулся и его полозомъ ударило въ спину, онъ проснулся и волей неволей принужденъ былъ измѣнить свое положеніе. Съ трудомъ выпрямляя ноги и осыпая съ нихъ снѣгъ, онъ поднялся, и тотчасъ же мучительный холодъ пронизалъ все его тѣло. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ, чтобы Василій Андреичъ оставилъ ему ненужное теперь для лошади веретъе, чтобы укрыться имъ, и закричалъ ему объ этомъ.

Но Василій Андреичъ не остановился и скрылся въ снѣжной пыли.

Оставшись одинъ, Никита задумался на минуту, что ему дѣлать. Идти искать жилья онъ чувствовалъ себя не въ силахъ. Сѣсть на старое мѣсто уже нельзя было—оно все было засыпано снѣгомъ. И въ саняхъ онъ чувствовалъ, что не согрѣется, потому что ему нечѣмъ было покрыться, его же кафтанъ и шуба теперь совсѣмъ не грѣли его. Ему было такъ холодно, какъ будто онъ былъ въ одной рубахѣ. Ему стало жутко. »Батюшка, Отецъ небесный!« проговорилъ онъ, и сознаніе того, что онъ не одинъ, а Кто-то слышитъ его и не оставитъ, успокоило его. Онъ глубоко вздохнулъ и, не снимая съ головы

дерюжки, влѣзъ въ сани и легъ въ нихъ на мѣсто хозяина.

Но и въ саняхъ онъ никакъ не могъ согрѣться. Сначала онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ дрожь прошла, и онъ понемногу сталъ терять сознаніе. Умиралъ онъ или засыпалъ — онъ не зналъ, но чувствовалъ себя одинаково готовымъ на то и на другое.

VIII.

Между тѣмъ Василій Андреичъ и ногами, и концами повода гналъ лошадь туда, гдѣ онъ почему-то предположилъ лѣсъ и сторожку. Снѣгъ слѣпилъ ему глаза, а вѣтеръ, казалось, хотѣлъ остановить его; но онъ, нагнувшись впередъ и безпрестанно запахивая шубу и подвертывая ее между собой и мѣшавшей ему сидѣть холодной сѣделкой, не переставая гналъ лошадь. Лошадь, хотя съ трудомъ, но покорно шла иноходью туда, куда онъ посылалъ ее.

Минуть пять онъ ѣхалъ, какъ ему казалось, все прямо, ничего не видя, кромѣ головы лошади и бѣлой пустыни, и ничего не слыша, кромѣ свиста вѣтра около ушей лошади и воротника своей шубы.

Вдругъ передъ нимъ зачернѣлось что-то. Сердце радостно забилося въ немъ, и онъ поѣхалъ на это черное, уже видя въ немъ стѣны домовъ деревни. Но черное это было не неподвижно, а все шевелилось, и было не деревня, а выросшій на межѣ высокій чернобыльникъ, торчавшій изъ-подъ снѣга и отчаянно мотавшійся подъ напоромъ гнувшего его все въ одну сторону и свистѣвшаго въ немъ вѣтра. И почему-то видъ этого чернобыльника, мучимаго немилосерднымъ вѣтромъ, заставилъ содрогнуться Василя Андреича, и онъ поспѣшно сталъ погонять лошадь, не замѣчая того, что, подѣзжая къ чернобыльнику, онъ совершенно измѣнилъ прежнее направленіе и теперь гналъ лошадь совсѣмъ уже въ другую сторону, все-таки воображая, что онъ ѣдетъ въ ту сторону, гдѣ должна была быть сторожка. Но лошадь все воротила вправо, и потому онъ все время сворачивалъ ее влѣво.

Опять впереди его зачернѣлось что-то. Онъ обрадовался, увѣренный, что теперь это уже навѣрное деревня. Но это была опять межа, поросшая чернобыльникомъ. Опять такъ же отчаянно трепался сухой бурьянъ, наводя почему-то страхъ на Василя Андреича. Но мало того, что это былъ такой же бурьянъ, подлѣ него, шелъ конный, заносимый вѣтромъ, слѣдъ. Василій Андреичъ остановился, нагнулся, приглядѣлся: это былъ лошадиный, слегка занесенный, слѣдъ и не могъ быть ничей иной, какъ его собственный. Онъ, очевидно, кружился и на небольшомъ пространствѣ. »Пропадутъ я такъ!« подумалъ онъ, но, чтобы не поддаваться страху, онъ еще усиленнѣе сталъ погонять лошадь, вглядываясь въ бѣлую снѣжную мглу, на которой ему показывались какъ будто свѣтящіяся точки, тотчасъ же исчезающія, какъ только онъ вглядывался въ нихъ. Разъ ему показалось, что онъ слышитъ лай собакъ или вой волковъ, но звуки эти были такъ слабы и неопредѣленны, что онъ не зналъ—слышитъ ли онъ что, или это только чудится ему, и онъ, остановившись, сталъ напряженно прислушиваться.

Вдругъ какой-то страшный, оглушающій крикъ раздался около его ушей, и все задрожало и затрепетало подъ нимъ. Василій Андреичъ схватился за шею лошади, но и шея лошади вся тряслась, и страшный крикъ сталъ еще ужаснѣе. Нѣсколько секундъ Василій Андреичъ не могъ опомниться и понять что случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя или себя или призывая кого на помощь, заржалъ своимъ громкимъ, залиvistымъ голосомъ. »Тьфу ты пропасть! напугалъ какъ, проклятый!« сказалъ себѣ Василій Андреичъ. Но и понявъ истинную причину страха, онъ не могъ уже разогнать его.

»Надо одуматься, остепениться«, говорилъ онъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ удержаться и все гналъ лошадь, не замѣчая того, что онъ ѣхалъ теперь уже по вѣтру, а не противъ него. Тѣло его, особенно въ шагу, гдѣ оно было открыто и касалось сѣделки, зябло и болѣло, руки и ноги его дрожали, и дыханіе было прерывисто. Онъ видитъ, что пропа-

даетъ среди этой ужасной снѣжной пустыни, и не видитъ никакого средства спасенія.

Вдругъ лошадь куда-то ухнула подъ нимъ и, завязши въ сугробѣ, стала биться и падать на бокъ. Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, при соскакиваніи сдернувъ на бокъ шлею, на которую опиралась его нога, и свернувъ сѣделку, за которую держался соскакивая. Какъ только Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, лошадь справилась, рванулась впередъ, сдѣлала прыжокъ, другой и, опять заржавши и таща за собой волочившееся веретѣе и шлею, скрылась изъ вида, оставивъ Василя Андреича одного въ сугробѣ. Василій Андреичъ бросился за нею, но снѣгъ былъ такъ глубокъ и шубы на немъ такъ тяжелы, что, увязая каждой ногой выше колѣна, онъ, сдѣлавъ не болѣе 20 шаговъ, запыхался и остановился. »Роща, валухи, аренда, лавка, кабаки, желѣзомъ крытый домъ и амбаръ, наслѣдникъ«, подумалъ онъ, »какъ же это все останется? Что-жъ это такое? Не можетъ быть!« мелькнуло у него въ головѣ. И почему-то ему вспомнился мотавшійся отъ вѣтра чернобыльникъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ два раза, и на него нашелъ такой ужасъ, что онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность того, что съ нимъ было. Онъ подумалъ: »не во снѣ ли все это?« и хотѣлъ проснуться; но просыпаться некуда было. Это былъ дѣйствительный снѣгъ, который хлесталъ ему лицо и засыпалъ его и холодилъ его правую руку, съ которой онъ потерялъ перчатку, и это была дѣйствительная пустыня, та, въ которой онъ теперь оставался одинъ, какъ тотъ чернобыльникъ, ожидая неминуемой, скорой и безсмысленной смерти.

»Царица небесная, святителю отче Миколае, воздержанія учителю«, вспомнилъ онъ вчерашніе молебны и образъ съ чернымъ ликомъ въ золотой ризѣ, и свѣчи, которыя онъ продавалъ къ этому образу, и которыя тотчасъ приносили ему назадъ, и которыя онъ чуть обгорѣвшія пряталъ въ ящикъ. И онъ сталъ просить этого самаго Николая чудотворца, чтобы онъ спасъ его, обѣщалъ ему молебенъ и свѣчи. Но тутъ же онъ ясно, несомнѣнно, понялъ, что этотъ ликъ, риза, свѣчи, священникъ, молебны — все это было очень важно и нужно

тамъ, въ церкви, но что здѣсь они ничего не могли сдѣлать ему, что между этими свѣчами и молебнами и его бѣдственнымъ теперешнимъ положеніемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи. »Надо не унывать,—подумалъ онъ.—Надо идти по слѣдамъ лошади, а то и тѣ занесетъ«, пришло ему въ голову. Она выведетъ, а то и поймаю. Только не торопиться, а то зарыешься и хуже пропадешь«, но, несмотря на намѣреніе идти тихо, онъ бросился впередъ и бѣжалъ, безпрестанно падая, поднимаясь и опять падая. Слѣдъ лошади уже становился чуть замѣтенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ не глубокъ. »Пропалъ я, — подумалъ Василій Андреичъ, — потеряю и слѣдъ, и лошади не догоню«. Но въ ту же минуту, взглянувъ впередъ, онъ увидалъ что-то черное. Это былъ Мухортый и не только одинъ Мухортый, но и сани, и оглобли съ платкомъ. Мухортый, со сбитой на бокъ шлеей и веретемъ, стоялъ теперь не на прежнемъ мѣстѣ, а ближе къ оглоблямъ и моталъ головой, которую заступленный поводъ притягивалъ ему книзу. Оказалось, что завязъ Василій Андреичъ въ той самой лощинѣ, въ которой они завязли еще съ Никитой, что лошадь везла его назадъ къ санямъ и что соскочилъ онъ съ нея не больше 50 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ были сани.

IX.

Довалившись до саней, Василій Андреичъ схватился за нихъ и долго стоялъ такъ неподвижно, стараясь успокоиться и отдышаться. На прежнемъ мѣстѣ Никиты не было, но въ саняхъ лежало что-то занесенное уже снѣгомъ, и Василій Андреичъ догадался, что это былъ Никита. Страхъ Василя Андреича теперь совершенно прошелъ и если онъ боялся чего, то только того ужаснаго состоянія страха, который онъ испыталъ на лошади и въ особенности тогда, когда одинъ остался въ сугробѣ. Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этотъ страхъ, а чтобы не допустить его, надо было дѣлать что нибудь, чѣмъ нибудь заняться. И потому первое, что

онъ сдѣлалъ, было то, что онъ, ставъ задомъ къ вѣтру, выпустилъ шубу. Потомъ, какъ только онъ немного отдышался, онъ вытряхнулъ снѣгъ изъ сапогъ, изъ лѣвой перчатки, правая была безнадежно потеряна и должно быть ужъ гдѣ нибудь на двѣ четверти подъ снѣгомъ; потомъ онъ вновь туго и низко, какъ онъ подтягивался, когда выходилъ изъ лавки покупать съ воевъ, привозимый мужиками хлѣбъ, затаился кушакомъ и приготовился къ дѣятельности. Первое дѣло, которое представилось ему, было то, чтобы выпростать ногу лошади. Василій Андреичъ и сдѣлалъ это и, освободивъ поводъ, привязалъ Мухортаго опять къ желѣзной скобѣ у передка, къ старому мѣсту, и сталъ заходить сзади лошади, чтобы оправить на ней шлею, сѣделку и веретѣе; но въ это время онъ увидалъ, что въ саняхъ зашевелилось что-то и изъ-подъ снѣга, которымъ она была засыпана, поднялась голова Никиты. Очевидно съ большимъ усиліемъ, замерзавшій уже Никита приподнялся и сѣлъ и какъ-то странно, точно отгоняя мухъ, махая передъ носомъ рукой. Онъ махалъ рукой и говорилъ что-то, какъ показалось Василю Андреичу, призывая его. Василій Андреичъ оставилъ веретѣе, не поправивъ его, и подошелъ къ санямъ.

— Чего ты? спросилъ онъ. — Чего говоришь?

— Поми-ми-мираю я, вотъ что, — съ трудомъ, прерывистымъ голосомъ выговорилъ Никита. — Зажитое малому отдай али бабѣ — все равно.

— А что-жъ, аль зазябъ? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Чую — смерть моя... прости, Христа ради... — сказалъ Никита плачущимъ голосомъ, все продолжая, точно обмахивая мухъ, махать передъ лицомъ руками.

Василій Андреичъ съ полминуты постоялъ молча и неподвижно, потомъ вдругъ съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и обѣими руками принялся выгребать снѣгъ съ Никиты и изъ саней. Выгребши снѣгъ, Василій Андреичъ поспѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не

только своей шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ, разгоряченнымъ тѣломъ. Заправивъ руками полы шубы между лубкомъ саней и Никитой и колѣнками ногъ прихвативъ ее подолъ, Василій Андреичъ лежалъ такъ ничкомъ, упершись головой въ лубокъ передка, и теперь уже не слышалъ ни движеній лошади, ни свиста бури, а только прислушивался къ дыханію Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вздохнулъ и пошевелился.

— А вотъ то-то, а ты говоришь — помираешь. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ... — началъ было Василій Андреичъ.

Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступили на глаза и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступало ему къ горлу. »Настращался я, видно, ослабъ вовсе«, подумалъ онъ на себя. Но слабость эта его не только не была ему непріятна, но доставляла ему какую-то особенную, неиспытанную еще никогда, радость.

»Мы вотъ какъ«, говорилъ онъ себѣ, испытывая какое-то особенное, торжественное умиленіе. Довольно долго онъ лежалъ такъ молча, вытирая глаза о мѣхъ шубы и подбирая подъ колѣна все заворачиваемую вѣтромъ правую полу шубы.

Но ему такъ страстно захотѣлось сказать кому нибудь про свое радостное состояніе.

— Микита! — сказалъ онъ.

— Хорошо, тепло, — откликнулось ему снизу.

— Такъ-то, братъ, пропалъ было я. И ты бы замерзъ, и я бы...

Но тутъ опять у него задрожали скулы, и глаза его опять наполнились слезами, и онъ не могъ дальше говорить.

»Ну, ничего, — подумалъ онъ. — Я самъ про себя знаю, что знаю«.

И онъ замолкъ. Такъ онъ лежалъ долго.

Ему было тепло снизу отъ Никиты, тепло и сверху отъ шубы, только руки, которыми онъ придерживалъ полы шубы по бокамъ Никиты, и ноги, съ которыхъ вѣтеръ безпрестанно сворачивалъ шубу, начинали зябнуть. Особенно зябла правая рука безъ перчатки. Но онъ не думалъ ни о своихъ ногахъ, ни о

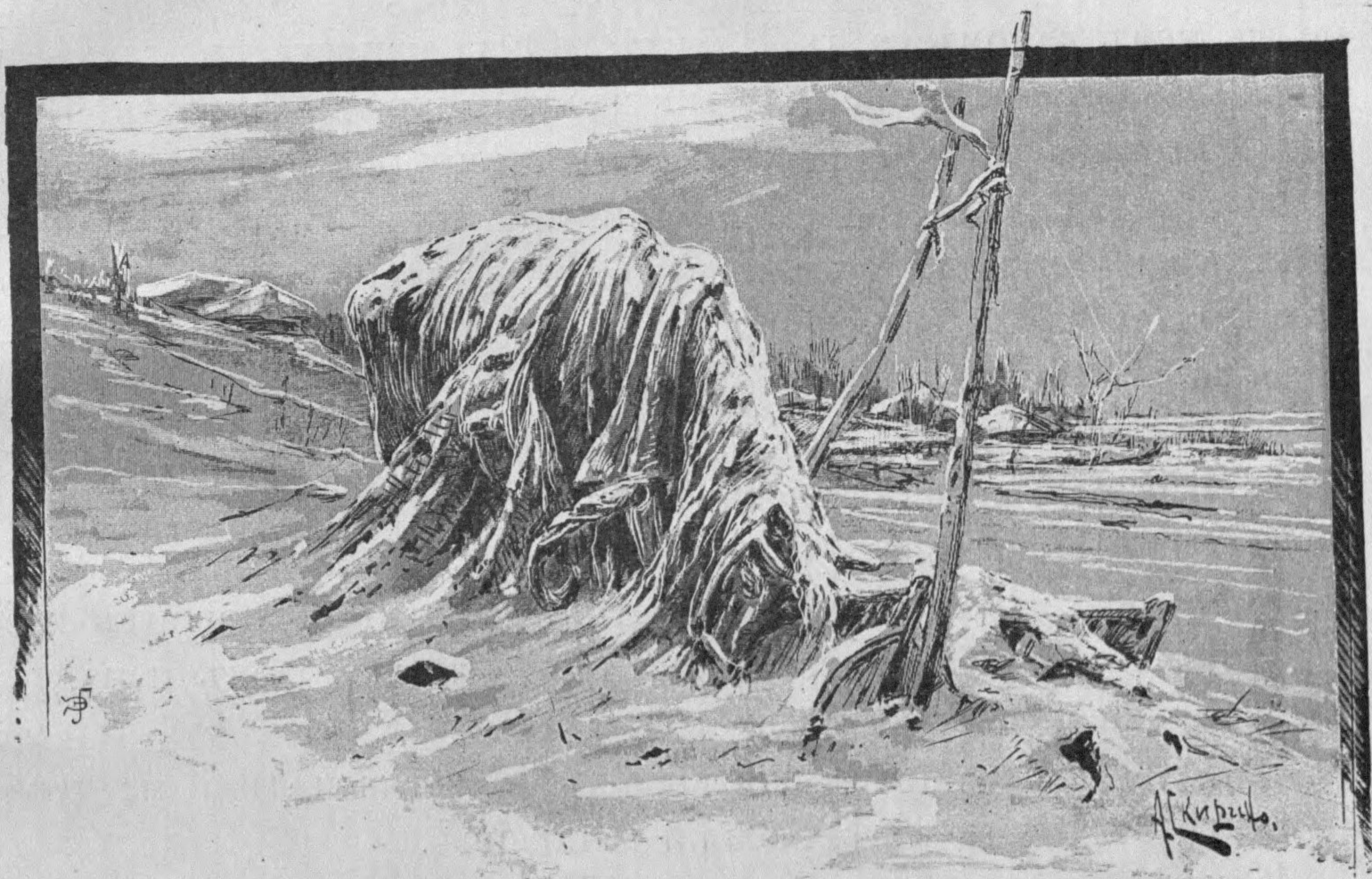
рукахъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собой мужика.

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на лошадь и видѣлъ, что спина ея раскрыта и веретѣе съ шлеею лежатъ на снѣгу, что надо бы встать и покрыть лошадь, но онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился. Страха онъ теперь не испытывалъ никакого.

»Небось, не вывернется«, говорилъ онъ самъ себѣ про то, что онъ отогрѣетъ мужика, съ тѣмъ же хвастовствомъ, съ которымъ онъ говорилъ про свои покупки и продажи.

Такъ пролежалъ Василій Андреичъ часъ и другой, и третій, но онъ не видалъ, какъ проходило время. Сначала въ воображеніи его носились впечатлѣнія метели, оглобель и лошади подъ дугою, трясущихся передъ глазами, и вспоминалось о Никитѣ, лежащемъ подъ нимъ; потомъ стали примѣшиваться воспоминанія о праздникѣ, женѣ, станомъ, свѣчномъ ящикѣ и опять о Никитѣ, лежащемъ подъ этимъ ящикомъ; потомъ стали представляться мужики, продающіе и покупающіе, и бѣлыя стѣны, и дома, крытые желѣзомъ, подъ которыми лежалъ Никита; потомъ все это смѣшалось, одно вошло въ другое, и, какъ цвѣта радуги, соединяющіеся въ одинъ бѣлый свѣтъ, всѣ разныя впечатлѣнія сошлись въ одно ничто, и онъ заснулъ. Онъ спалъ долго безъ сновъ, но передъ разсвѣтомъ опять появились сновидѣнія. Представилось ему, что стоитъ онъ будто у свѣчного ящика и Тихонова баба требуетъ у него 5-тикопѣчную свѣчу къ празднику, и онъ хочетъ взять свѣчу и дать ей, но руки не поднимаются, а зажаты въ карманахъ. Хочетъ онъ обойти ящикъ, и ноги не движутся, а галоши новыя, чищенные, приросли къ каменному полу—и ихъ не поднимешь и изъ нихъ не вынешь. И вдругъ свѣчной ящикъ становится не свѣчнымъ ящикомъ, а постелью, и Василій Андреичъ видитъ себя лежащимъ на брюхѣ на свѣчномъ ящикѣ, т. е. на своей постели, въ своемъ домѣ. И лежитъ онъ на постели и не можетъ встать, а встать ему надо, потому что сейчасъ зайдетъ за нимъ Иванъ Матвѣичъ, становой, и съ Иваномъ Матвѣичемъ

надо идти либо торговать рощу, либо поправить шлею на Мухортомъ. И спрашиваетъ онъ у жены: »Что же, Миколавна, не заходилъ?«—»Нѣтъ,—говорить,—не заходилъ«. И слышитъ онъ, что подъѣзжаетъ кто-то къ крыльцу. Должно, онъ. Нѣтъ, мимо. — »Миколавна, а Миколавна, что-жъ, все нѣту?«—»Нѣту«. — И онъ лежитъ на постели и все не можетъ встать,

Кругомъ все такъ же курило. Тѣ же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертвого Василия Андреича и всего трясущагося Мухортаго, и чуть видныя уже сани.

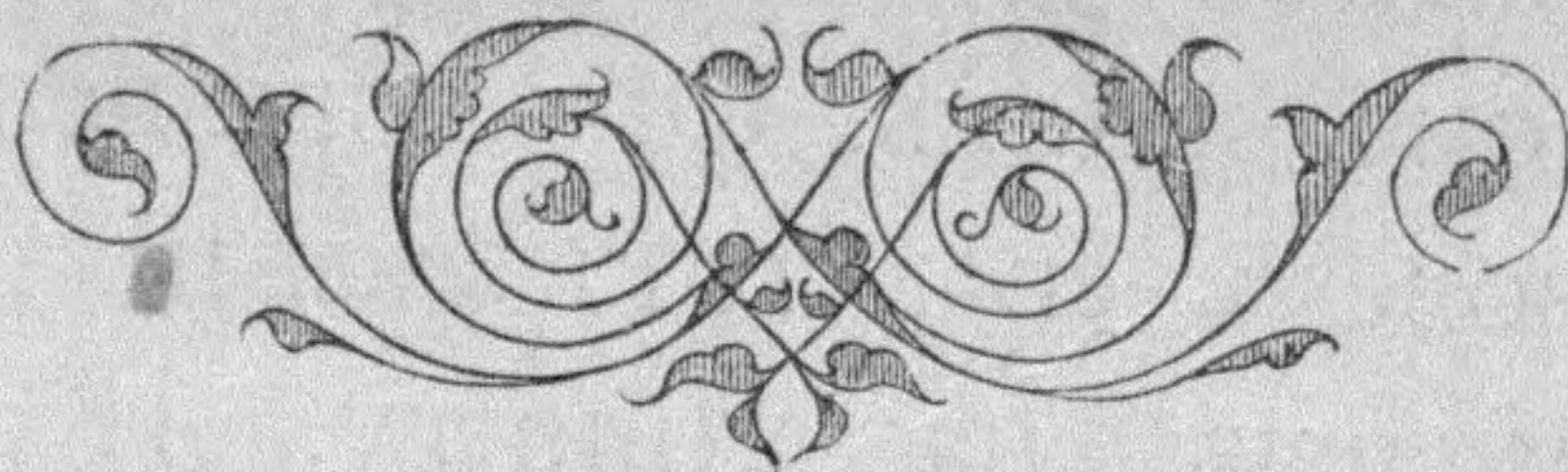
и все ждетъ, и ожиданіе это и жутко, и радостно. И вдругъ радость совершается: приходитъ тотъ, кого онъ ждалъ, и это ужъ не Иванъ Матвѣичъ, становой, а кто-то другой, но тотъ самый, кого онъ ждетъ. Онъ пришелъ и зоветъ его, и этотъ, тотъ, кто зоветъ его, тотъ самый, который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту. И Василий Андреичъ радъ, что этотъ кто-то пришелъ за нимъ. »Иду!« кричитъ онъ радостно, и крикъ этотъ будить его. И онъ просыпается, но

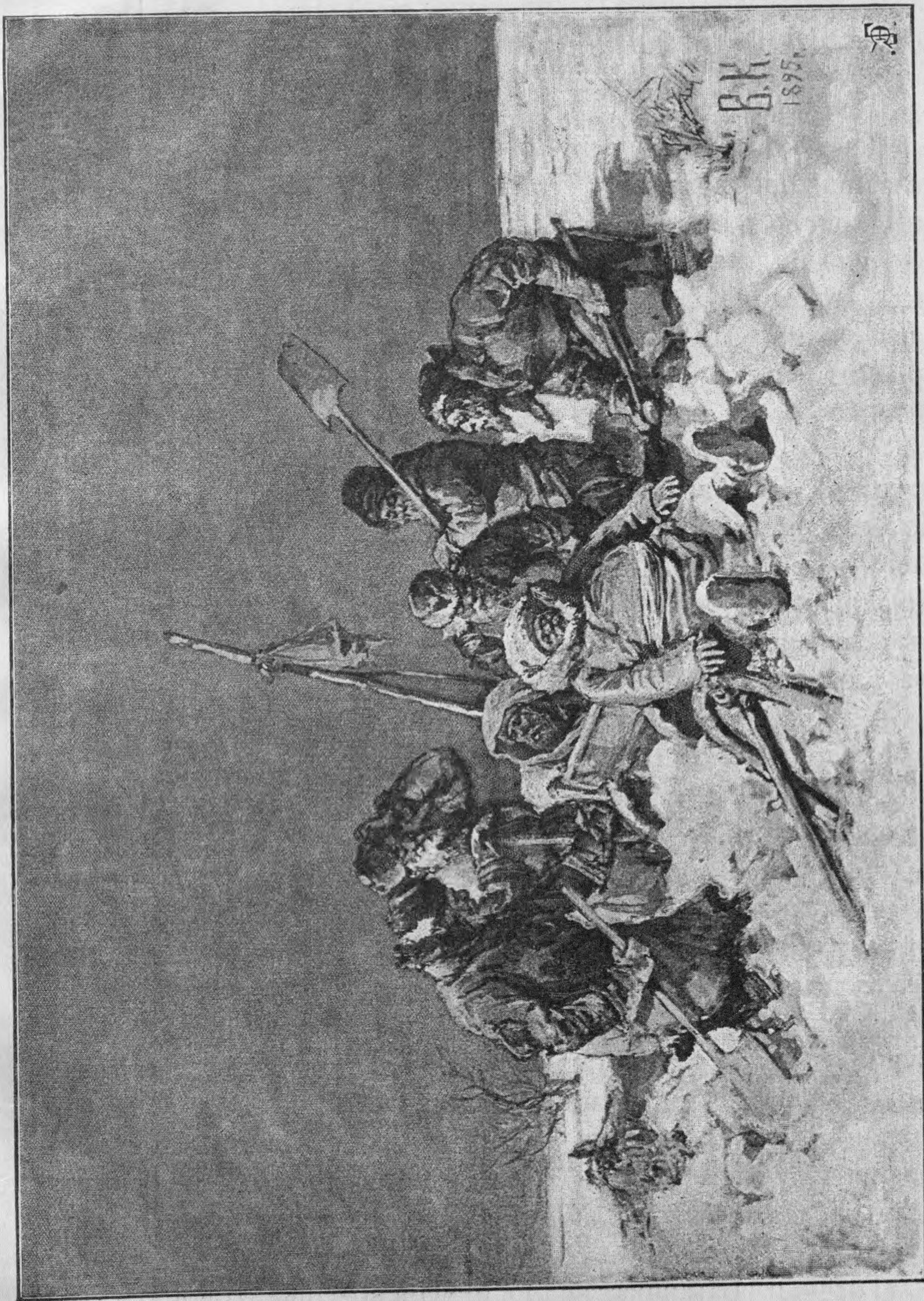
просыпается совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ онъ заснулъ. Онъ хочетъ встать и не можетъ, хочетъ двинуть рукой — не можетъ, ногой — тоже не можетъ. Хочетъ повернуть головой — и того не можетъ. И онъ удивляется, но нисколько не огорчается этимъ. Онъ понимаетъ, что это смерть, и нисколько не огорчается и этимъ. И онъ вспоминаетъ, что Никита лежитъ подъ нимъ и что онъ угрѣлся и живъ, и ему кажется, что онъ — Никита, а Никита — онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. Онъ напрягаетъ слухъ и слышитъ дыханіе, даже слабый храпъ Никиты. »Живъ Никита, значитъ живъ и я«, съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ.

И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи и милліоны Мироновыхъ; ему трудно понять — зачѣмъ этотъ человѣкъ, котораго звали Василиемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. »Что-жъ, вѣдь онъ не зналъ, въ чемъ дѣло«, думаетъ онъ про Василія Брехунова. »Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки. Теперь знаю«. И опять слышитъ онъ зовъ того, кто уже окликалъ его. »Иду, иду!« радостно, умиленно говоритъ все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничто ужъ больше не держитъ его.

И больше уже ничего не видѣлъ и не слышалъ, и не чувствовалъ въ этомъ мірѣ Василій Андреичъ.

Кругомъ все такъ же курило. Тѣ же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертваго Василія Андреича и всего трясушагося Мухортаго, и чуть видныя уже сани, и въ глубинѣ ихъ лежащаго подъ мертвымъ уже хозяиномъ угрѣвагося Никиту.

...на другой день мужики откопали лопатами Василия Андреича и Никиту... Снѣгъ нанесло выше саней, но оглобли и платокъ на нихъ были еще видны. Мухортый по брюхо въ снѣгу съ сбившимися со спины шлѣей и веретѣмъ стоялъ весь бѣлый, прижавъ мертвую голову къ закованному кадыку.

Х.

Передъ утромъ проснулся Никита. Разбудилъ его опять начавшій пробирать его спину холодъ. Приснилось ему, что онъ ѣдетъ съ мельницы съ возомъ хозяйской муки и, переѣзжая ручей, взялъ мимо моста и завязилъ возъ. И видитъ онъ, что онъ подлѣзъ подъ возъ и поднимаетъ его, расправляя спину. Но удивительное дѣло! Возъ не двигается и прилипъ ему къ спинѣ, и онъ не можетъ ни поднять воза, ни уйти изъ-подъ него. Всю поясницу раздавило. Да и холодный же! Видно, вылѣзть надо. »Да будетъ«, говоритъ онъ кому-то тому, кто давитъ ему возомъ спину. »Вынимай мѣшки!« Но возъ все холоднѣе и холоднѣе давитъ его, и вдругъ стучаетъ что-то особенное, и онъ просыпается совсѣмъ и вспоминаетъ все. Холодный возъ — это мертвый замерзшій хозяинъ, лежащій на немъ. А стукнулъ это Мухортый, ударившій два раза копытомъ о сани.

— Андреичъ, а Андреичъ! — осторожно, уже предчувствуя истину, окликаетъ Никита хозяина, напруживая спину.

Но Андреичъ не отзывается, и брюхо его и ноги — крѣпкія и холодныя, и тяжелыя какъ гири.

»Кончился, должно. Царство небесное!« думаетъ Никита.

Онъ повертываетъ голову, прокапываетъ передъ собою снѣгъ рукою и открываетъ глаза. Свѣтло; такъ же свиститъ вѣтеръ въ оглобляхъ, и такъ же сыплется снѣгъ, съ тою только разницею, что уже не стегаетъ о лубокъ саней, а беззвучно засыпаетъ сани и лошадь все выше и выше, и ни движенія, ни дыханья лошади не слышно больше. »Замерзъ, должно, и онъ«, думаетъ Никита про Мухортаго. И дѣйствительно, тѣ удары копытъ о сани, которые разбудили Никиту, были предсмертныя усилія удержаться на ногахъ уже совсѣмъ застывшаго Мухортаго.

»Господи, Батюшка, видно и меня зовешь«, говоритъ себѣ Никита. »Твоя святая воля. А жутко! Ну, да двухъ смертей

не бывать, а одной не миновать. Только поскорѣ бы...» И онъ опять прячетъ руку, закрывая глаза, и забывается, вполнѣ увѣренный, что теперь онъ уже навѣрно и совсѣмъ умираетъ.

Уже въ обѣдъ на другой день мужики откопали лопатами Василю Андреича и Никиту въ 30 саженьяхъ отъ дороги и въ полуверстѣ отъ деревни.

Снѣгъ нанесло выше саней, но оглобли и платокъ на нихъ были еще видны. Мухортый по брюхо въ снѣгу съ сбившимися со спины шлеей и веретѣмъ стоялъ весь бѣлый, прижавъ мертвую голову къ заостенѣлому кадыку; ноздри обмерзли сосульками, глаза заиндивѣли и тоже обмерзли точно слезами. Онъ исхудалъ въ одну ночь такъ, что остались на немъ только кости да кожа. Василій Андреичъ застылъ какъ мороженная туша и, какъ были у него разставлены ноги, такъ раскорячившись его и отвалили съ Никиты. Ястребиные выпуклые глаза его обмерзли, и раскрытый ротъ его подъ подстриженными усами былъ набитъ снѣгомъ. Никита же былъ живъ, хотя и весь обмороженный. Когда Никиту разбудили, онъ былъ увѣренъ, что теперь онъ уже умеръ и что то, что съ нимъ теперь дѣлается, происходитъ уже не на этомъ, а на томъ свѣтѣ. Но когда онъ услышалъ кричащихъ мужиковъ, откапывавшихъ его и сваливавшихъ съ него закоченѣвшаго Василю Андреича, онъ сначала удивился, что на томъ свѣтѣ такъ же кричатъ мужики и такое же тѣло, но когда понялъ, что онъ еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, онъ скорѣе огорчился этимъ, чѣмъ обрадовался, особенно когда почувствовалъ, что у него пальцы на обѣихъ ногахъ отморожены.

Пролежалъ Никита въ больницѣ два мѣсяца. Три пальца ему отняли, а остальные зажили, такъ что онъ могъ работать и еще двадцать лѣтъ продолжалъ жить, сначала въ рабочихъ, а потомъ, подъ старость, въ караульщикахъ. Померъ онъ только въ нынѣшнемъ году дома, какъ желалъ, подъ святыми и съ зажженной восковой свѣчкой въ рукахъ. Передъ смертью онъ просилъ прощенья у своей старухи и простилъ ее за бондаря, простился и съ малымъ, и съ внучатами и умеръ, истинно радуясь тому, что избавляетъ своей смертью сына и

сноху отъ обузы лишняго хлѣба и самъ уже по настоящему переходитъ изъ этой, наскучившей ему, жизни въ ту иную жизнь, которая съ каждымъ годомъ и часомъ становилась ему все понятнѣе и заманчивѣе. Лучше или хуже ему тамъ, гдѣ онъ, послѣ этой, настоящей, смерти, проснулся? разочаровался ли онъ или нашелъ тамъ то самое, что ожидалъ, — мы всѣ скоро узнаемъ.

Книгоиздательство Терманъ Тонне: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

состоящій изъ двѣнадцати фототипическихъ картинъ, воспроизведенныхъ артистически съ шедевровъ русской живописи, хранящихся въ разныхъ частныхъ картинныхъ галлерейхъ Россіи.

Фототипіи съ картинъ: С. В. Бакаловича, Ѳ. А. Бруни, В. В. Верещагина, В. П. Верещагина, К. В. Лебедева, В. Е. Маковского, Н. В. Неврева, А. Н. Новоскольцева, В. Г. Перова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкого, Г. И. Семирадскаго.

Цѣна: въ бумажной оберткѣ 3 руб., съ перес. 4 руб.; въ роскошной покрышкѣ изъ англійскаго каленкора—5 руб., съ перес. 6 руб..

АЛЬБОМЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

НА ТЕМЫ НОВАГО ЗАВѢТА.

20 грав. съ картинъ русск. и иностранныхъ художниковъ. Отпечатаны на лучшей альбомной бумагѣ.

АЛЬБОМЪ ЖЕНСКИХЪ ГОЛОВОКЪ.

24 гравюры съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, изображающихъ головки красивыхъ женщинъ всѣхъ націй. Отпечатаны на лучшей альбомной бумагѣ.

АЛЬБОМЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

въ гравюрахъ съ картинъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

18 гравюръ, отпечатанныхъ на лучшей альбомной бумагѣ.

АЛЬБОМЪ СКУЛЬПТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

24 гравюры съ замѣчательныхъ произведеній ваятелей всѣхъ временъ и народовъ, отпечатанныя на лучшей альбомной бумагѣ.

Цѣна каждому альбому въ изящн. картонѣ-папкѣ 3 руб. На упаковку и перес. прилагать за 5 ф. Цѣна въ роскошн. покрышкѣ изъ англійскаго каленкора съ тисненіемъ 4 руб. На упаковку и пересылку прилагать на каждый экземпляръ за 6 ф. Всѣ четыре альбома вмѣстѣ въ карт.-папкѣ 10 р., въ покрышкахъ съ тиснен. 15 р. Пересылка за 20 ф.

БИБЛИОТЕКА
РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ.

ПРИНЦЕССА ВОЛОДИМИРСКАЯ.

Историческій романъ гр. Е. А. Салиаса. Въ 4-хъ частяхъ. 2 тома. 46 печатн. лист. въ 8 д. л., съ 23-мя рисунками не въ текстѣ. 1882 г. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылк. 4 руб.

ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ.

Романъ Виктора Бибикова. Изящное изд. въ 8 долю листа, печатанн. двумя красками. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ДУЭЛЬ.

Повѣсть Виктора Бибикова. Въ 8 д. л. 4 печатныхъ листа. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

БАЛАКИРЕВЪ.

Историческій романъ изъ временъ Петра 1. П. Н. Петрова. Въ 2-хъ частяхъ. Въ 8 д. л. 21 печатн. листъ съ 16 рисунками не въ текстѣ. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЗАНТІИ.

Историческій романъ А. Эвальда. Въ 2-хъ частяхъ. 31 печатн. листъ. Въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

ЛОРДЪ БРАКЕНБЮРИ.

Романъ миссъ Амеліи Эдвардсъ. Переводъ съ рукописи О. Изгарской. Въ 8 д. л. 40 печатн. листовъ съ 30 рисунками не въ текстѣ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

ІОАННЪ III.

Историческій романъ Нестора Кукольника. Въ 3-хъ частяхъ. 29 печатныхъ листовъ въ 8 долю листа. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 рубля.

ЛЮДОВИКЪ XIV

или комедія жизни.

Историческій романъ Брахфогеля. Въ 3-хъ частяхъ. 27 печатн. лист. въ 8 долю листа. Цѣна 1 руб., съ пересылк. 1 руб. 30 коп.

ВСЕСВѢТНЫЙ БРОДЯГА.

Повѣсть Вас. Немировича-Данченко, съ 23-мя рисунками Н. Г. Богданова. Въ 8 д. л. 7 печатн. лист. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

ДВОРЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Святочный разсказъ. Итальянская легенда. Рыцарь пера (комедія). Сочиненіе А. И. Лемана. Въ 8 д. листа. Цѣна въ изящной обложкѣ 1 руб. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

ОТЪ ПОЦѢЛУЯ КЪ ПОЦѢЛУЮ.

Романъ Серафима Неженатаго. 22 печатн. листа въ 8 д. листа съ 12-ю рисунками. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.

ПИТЕРЪ ТИММЕРМАНЪ.

Историческая повѣсть Валеріана Черни съ 6-ю рисунками А. Архипова. Въ 8 д. л. Цѣна 40 к., съ перес. 55 к.

РЕДАКТОРЪ.

Повѣсть І. В. Видмана въ 8 д. листа 4 печатн. листа. Цѣна 40 коп., съ перес. 55 коп.

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ:

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

стихотвореній **А. В. Кольцова**

подъ редакціей П. В. БЫКОВА,

съ біографическимъ очеркомъ, критическими статьями, примѣчаніями, портретами, снимкомъ почерка и

40 рисунками и виньетками

К. О. Брожа, С. С. Волотовскаго, Н. П. Загорскаго, М. И. Зощенко, барона М. П. Клодта, М. Е. Малышева, Г. Г. Манизера, М. О. Микѣшина, К. И. Тихомирова, А. Г. Шарлеманя и А. Н. Шильдера.

Роскошное изданіе въ форматѣ въ большую 8-ю долю листа.

Изъ общаго числа рисунковъ **10** воспроизведены въ страничномъ форматѣ въ гравюрахъ на деревѣ и отпечатаны на толстой альбомной бумагѣ.

Цѣна: въ изящной бумажной обложкѣ, исполненной по рисунку К. О. Брожа — **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 25 к.**; на веленовой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ — **2 р.**, съ пересылкой **2 р. 50 к.**; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ **2 руб. 50 к.**, съ пересылкой **3 р.**

Собраніе сочиненій

А. С. АФАНАСЬЕВА
(ЧУЖБИНСКАГО).

Девять томовъ съ портретомъ автора, гравир. на стали, около **300** печ. листовъ въ **8** долю, **4800** стран., подъ редакціей П. В. Быкова.

Цѣна: въ бумажкѣ **15 руб.**, съ перес. **17 руб.**; въ изящномъ каленковомъ переплетѣ **23 руб.**, съ перес. **26 руб.**

Первое собраніе сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго)

СОДЕРЖИТЬ СЛѢДУЮЩЕЕ:

Томъ I. Предисловіе. — Портретъ съ авторомъ. — Біографическій очеркъ А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), составл. П. В. Быковымъ. — Библіографія сочиненій, его же. — Очерки прошлаго: Изъ корнетской жизни. — Моншеры. — Бурбонъ. — Стоянка въ Дымогарѣ (Донъ - Жуанъ). — Прапорщикъ Сафьянчиковъ.

Томъ II. Очерки прошлаго: Ремонтеры прежняго времени. — Одинъ изъ многихъ. — Самодуры. — Дуэлисты. — Городъ Смуровъ. — Конокрады.

Томъ III. Очерки прошлаго: — Фаня. — Безыменные очерки и типы (9 очерковъ). — Чиновникъ. — Провинціальныи левъ. — Пылкая натура. — Маскарадныи сирота. — Со-сѣдка.

Томъ IV. Бабушка. — Шесть очерковъ провинціальной жизни. — Забытая исторія.

Томъ V. Петербургскіе игроки.

Томъ VI. Рыцари зеленого поля. — Доминиканцы. — Мельница близъ села Ворошилова. — Изъ воспоминаній охотника (5 очерковъ). — Перстень. — Раннія произведенія (7 рассказовъ). — Очерки охоты въ Малороссіи. — Дѣто въ Малороссіи. — Голый слуга. — Старинныи малорусскія думы. — Воспоминаніе о Шевченкѣ. — Русскій солдатъ (5 рассказовъ).

Томъ VII. Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

Томъ VIII. Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣстра.

Томъ IX. Стихотворенія — русскія и малороссійскія и словарь малорусскаго нарѣчія.

Цѣна каждого тома отдѣльно **2 р.**, съ перес. **2 р. 25 к.**

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ:

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.
КНИГА ПѢСЕНЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

подъ редакціей П. В. БЫКОВА.

Иллюстраціи Поля Тумана,

воспроизведенныя по его оригиналамъ въ гравюрахъ на деревѣ.

Роскошное изданіе въ форматъ въ большую 8-ю долю листа.

До сихъ поръ „Книга пѣсенъ“ Гейне полностью въ русскомъ переводѣ не выходила, и настоящее роскошное изданіе ея восполняетъ этотъ существенный пробѣлъ. Книга украшена множествомъ превосходно исполненныхъ отдѣльныхъ гравюръ и мелкихъ рисунковъ въ текстѣ, принадлежащихъ знаменитому нѣмецкому иллюстратору Полю Туману. Переводы, выбранные для этого изданія, принадлежатъ: Лермонтову, Майкову, Фету, гр. А. К. Толстому, Мею, М. Л. Михайлову, Вейнбергу, Плещееву, Миллеру, Минаеву, Крестовскому, Добролюбову, Кускову, Ясинскому, Быкову, Коринфскому и другимъ. „Книга пѣсенъ“ Гейне въ переводѣ русскихъ писателей встрѣтила самые сочувственные, лестные отзывы въ нашей печати, которые помѣстили: „Наблюдатель“, „Недѣля“, „Правительственный Вѣстникъ“, „Новости“, „Новое Время“, Петербургскій Листокъ“, „Journal de St.-Petersbourg“, „St. Petersburger Zeitung“, „Одесскій листокъ“ и многіе другіе.

Первое иллюстрированное русское изданіе,

содержащее полный переводъ „Книги пѣсенъ“ и болѣе 120 рисунковъ.

Цѣна: въ бумажкѣ—2 р., съ пересылк. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ—3 р., съ пересылк. 3 р. 50 к.; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ—3 р. 50 к., съ пересылк. 4 р.

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,

подъ редакціей П. В. БЫКОВА

большой томъ in 4° со множествомъ богатыхъ, мастерски исполненныхъ, иллюстрацій работы извѣстнѣйшихъ французскихъ рисовальщиковъ —

Гранвиля, Баяра, Джіакомелли, Дюрана, Жоано, Ріу, Вормса, Поке и др.

Пѣсни Беранже, несмотря на ихъ чисто французскій народный характеръ, переведены на всѣ европейскіе языки и приобрѣли до извѣстной степени міровое значеніе. У насъ, въ Россіи, эти пѣсни, благодаря блестящимъ переводамъ Курочкина, Мея, Ленского и другихъ, приобрѣли громадную популярность, и мы думаемъ, что, изданныя роскошно, онѣ приняты дружественныхъ связей между нашимъ великимъ отечествомъ и страной, создавшей столь талантливаго пѣвца, автора этихъ пѣсенъ, игравшаго такую видную роль въ судьбахъ Франціи и имѣвшаго огромное политическое значеніе. Богатые рисунки, помѣщенные въ текстѣ и отдѣльно и принадлежащіе лучшимъ французскимъ иллюстраторамъ, дополняютъ текстъ, чрезвычайно удачно схватывая мысль пѣсенъ народнаго поэта Франціи.

Цѣна: въ бумажкѣ—2 р., съ пересылк. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ—3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ—3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р.

Tolstoj, Lev N.

Chozjain i rabotnik Razskaz. S 9-ju originalnymi risunkami K. Broža, V.
Knjazeva i A. Skirgello. /Der Herr u. der Knecht./

S.-Peterburg (1895)

4 39.276

urn:nbn:de:bvb:12-bsb00075042-6